

ДЖОРДЖ

ОРУЭЛЛ

ДОЧЬ СВЯЩЕННИКА

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Джордж Оруэлл

Дочь священника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157531

Оруэлл, Джордж. Дочь священника : роман: Азбука-классика; Москва;

2015

ISBN 978-5-17-089290-7

Аннотация

«Дочь священника» – роман, совсем не похожий на саркастичный «Скотный Двор» и мрачную антиутопию «1984».

Роман, который познакомит вас с иным Оруэллом – мастером психологического реализма. Героиня романа – дочь священника Дороти, глубоко верующая и ведущая праведный образ жизни, – в результате несчастного случая теряет память и напрочь забывает о своей вере в Бога. Дороти становится мелкой мошенницей и прибивается к банде бродяг. Через какое-то время память возвращается к ней, но не вера...

Содержание

Глава I	5
1	5
2	19
3	44
4	69
5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джордж Оруэлл

Дочь священника

George Orwell

A CLERGYMAN'S DAUGHTER

Печатается с разрешения The Estate of the late Sonia Brownell Orwell и литературных агентств А.М. Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

© George Orwell, 1935

© Перевод. В. Домитеева, 2010

© Перевод. К. Макиннес, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава I

1

Будильник на комодѣ грохнул мерзкой лязгающей бомбой. Вырванная из чащи каких-то безумных кошмаров, Дороти вздрогнула, очнулась, перевернулась навзничь и лежала, уставясь в темноту, не в силах даже шевельнуться.

Будильник продолжал сверлить настырными бабьими визгами, закрученной пружины хватало терзать уши минут пять, не меньше. Все ныло от головы до пят, жалость к себе, коварно нападавшая при ранних утренних побудках, звала зарыться в одеяло, скрыться от ненавистного сверла. Однако Дороти боролась с презренной слабостью и по обыкновению крепила дух собственным – вежливым, но достаточно суровым – увещеванием: «Ну-ка, Дороти, не ленитесь, поднимайтесь! *Не давай сна глазам твоим и дремания веждам твоим (Притчи Соломоновы, 6:4)*». Спohватившись, что долгий та-рахтящий визг разбудит отца, она вскочила, схватила часы с комода и торопливо отключила звон. Будильник для того и ставился подальше, чтобы необходимость глушить его выдергивала из постели. По-прежнему во мраке, Дороти опустилась на колени и прочла «Отче наш», хотя несколько механически – донимали очень уж мерзнувшие ноги.

Было всего лишь полшестого и для августа, пожалуй, холодновато. Дороти (Доротея Хэйр, единственное чадо его преподобия Чарльза Хэйра, Ректора прихода Святого Афельстайна, Найп-Хилл, графство Суффолк) надела старый байковый халатик и ошупью спустилась с лестницы.

Зябко потянуло предрассветным запахом пыли, отсыревшей штукатурки и жарившихся вчера на ужин окуней; сверху из разных концов коридора доносились нестройные сонные храпы отца и Эллен, их единственной прислуги. Опасливо – стол имел подлую привычку, растягиваясь в темноте, внезапно бить в бедро – Дороти добралась до кухни и зажгла свечку на каминной полке. Ползая перед плитой, преодолевая упадок сил, она прилежно выгребла золу.

Растапливать бывало адски трудно. Колено трубы навечно забилося сажей, и огню, чтоб взбодриться, требовалась чашка керосина, как животворный стаканчик джина пьянице. Поставив греться воду для отцовского бритья, Дороти поднялась наверх и принялась готовить себе ванну. Эллен все еще заливалась здоровым молодецким храпом. В бодрствующем состоянии она была послушной, старательной служанкой, но из породы девушек, которых самому дьяволу с легионом бесов ни за что не поднять раньше семи.

Воду в ванну Дороти набирала очень медленно (шум сильной струи будил отца), затем немного постояла, разглядывая неприятный белесый пруд. По коже бегали мурашки. К холодным ваннам Дороти питала жуткое отвращение, а потому

взяла за правило с апреля до ноября все ванны принимать только холодными. Пробуя воду рукой (рука непроизвольно отдергивалась), она гнала себя вперед обычными призывами: «Давайте, Дороти! Пожалуйста, не трусьте!» Решительно шагнула через край и села, позволив перехватившей дыхание волне подняться до макушки. Через секунду, извиваясь и дрожа, вынырнула, но не успела отдышаться, как вспомнила про свою памятку, которую намеревалась просмотреть. Мокрой рукой нащупала в кармане висевшего халата записку и, оставаясь по пояс в воде, перегнувшись к мигающей на стуле свечке, стала читать. В памятке значилось:

7.00 – СП.

Мс. Т. дитя? Срочно визит.

Завтрак: бекон. Срочно просить у папы деньги (Е) что куп.? витамин. тоник для папы!

NB у Солп. для занавесок

чай из дягиля из Дейли М. для ревматизма мс. П., мозольный пластырь для мс. Л.

12.00 – доспехи для Карла I

NB сух. клей 0,5 ф., серебр. кр. 1 б.

Обед /зачеркнуто/ Ленч:???

Разнести П. Вестник

NB долг за мс. Ф. 3 шил. 6 п.

16.30 – Др. Матери чай, на угл. окно 2,5 ярда!

Свеж. цветы для церкви

NB медн. фольга 1 л.

Ужин: яичница.

Печатать папе проповедь (нов. лента для пиш. маш.?)
NB в горохе выюнок! полоть срочно!!

Когда Дороти вытиралась реденьким полотенцем размером с носовой платок (в хозяйстве приходского ректора отсутствовала такая роскошь, как полотенца нормального размера), волосы, отколовшись, хлынули на плечи. Поток густых, мягких, редкостно белокурых прядей – пожалуй, к лучшему, что отец настрого запретил всякие стрижки, ведь волосы являлись ее единственной красотой. А в остальном Дороти выглядела девушкой среднего роста, довольно худощавой, но крепкой, стройной. Самым уязвимым во внешности было лицо: блеклое, неприметное, глаза прозрачные, нос чуточку длиннее, чем положено, уже наметились морщинки возле век, и рот в молчании ложился усталой складкой. Пока только эскиз, набросок старой девы, однако через год-другой рисунок определится. Хотя благодаря глазам, полным почти детской серьезности, Дороти виделась обычно моложе своих лет (ей скоро исполнялось двадцать восемь). И еще кое-что, чего никто не видел: на левом предплечье россыпь багровых пятнышек, будто там всласть попиrowали комары.

Снова натянув сорочку, Дороти вычистила зубы – просто водой, конечно, ибо и пасту не годится класть в рот перед СП, в конце концов либо постишься, либо нет, эти РК¹ тут

¹ Разговорные аббревиатуры: СП – святое причастие, РК – римские католики, «паписты». Для понимания коллизий романа необходимо представлять, что официальная англиканская церковь (священником которой является отец Дороти)

совершенно правы, отстаивая принцип... Вдруг она, пошатнувшись, замерла. Отложила зубную щетку. Боль, настоящая физическая боль свела желудок.

С острым спазмом тоски, оповещающей об утреннем визите забытой за ночь неприятности, Дороти вспомнила счет от Каргила, мясника, которому они не платят целых семь месяцев. О, этот счет – в нем девятнадцать (а может, уже и двадцать!) фунтов, и совершенно невозможно расплатиться! Кошмарный счет был главной мукой ее жизни, все дни и ночи хищно караулил в углу сознания, готовый броситься в любой момент. А за ним сразу потянулись другие, мелкие долги, общую сумму которых она не смела даже представить. «Господи, пожалуйста! Пусть хоть сегодня Каргил нам не присылает свой счет!» – невольно взмолилась Дороти, но, тут же осознав, сколь суетна эта мольба, попросила за нее прощения. И стремглав бросилась на кухню в надежде убежать от страшных мыслей.

Плита, как следовало ожидать, погасла. Вновь Дороти, перемазавшись углем, закладывала топку, вновь взбадривала огонь глоточком керосина, а потом беспокойно топталась рядом, переживая, что чайник долго не кипит. Отец требовал, чтоб воду для бритья приготавливали ровно к четверти седь-

сочетает догматы католичества с реформаторским учением протестантизма. Но внутри англиканства три направления: Высокая церковь, тяготеющая к торжественной ритуальности; Низкая церковь, близкая суровому пуританизму, и Широкая церковь умеренного толка. Кроме того, отдельно англокатолики, которые настаивают на сугубо католической сути и форме англиканства.

мого.

Дороти удалось доставить кипяток с опозданием всего в семь минут.

– Входи, входи, – откликнулся на стук глухой брюзгливый голос.

В плотно зашторенной спальне царила духота, пропитанная особым стариковским запахом. Ректор уже зажег свечу и, лежа на боку, следил за стрелками покоившихся под подушкой и только что раскрытых золотых часов. Из-под копны пушистых белоснежных волос темный глаз раздраженно сверкнул куда-то поверх плеча вошедшей дочери.

– Доброе утро, папа.

– Мне очень бы хотелось, Дороти, – произнес Ректор не совсем внятно (в дикцию до поры, когда он надевал зубной протез, весьма активно вмешивалась шепелявость), – чтобы ты прилагала несколько больше усилий, дабы заставить Элен подниматься в должный час. Или сама старалась бы проявлять чуть больше пунктуальности.

– Прости, папа. Эта плита все время гаснет, а я...

– Ну хорошо, Дороти, поставь воду на туалетный столик. Поставь ее и раздвинь шторы.

Стало заметно светлее, хотя за окнами темнели пасмурные облака. Дороти торопливо ушла к себе. Сегодня утром ей предстояло собраться просто моментально, что, впрочем, требовалось регулярно шесть раз в неделю. Микроскопическое стенное зеркальце даже не пригодилось. Не глядя, До-

роти надела золотой крестик (скромный, гладкий, никаких католических финтифлюшек, нет уж, пожалуйста!), скрутила волосы узлом, наспех воткнула шпильки и молниеносно справилась с одеждой: простая вязаная кофточка, махровая на швах юбка из твида, практичный шерстяной жакет, чулки, не подходящие по тону, изношенные туфли – весь туалет за три минуты. Теперь еще успеть перед причастием «навести красоту» в столовой, убрать отцовский кабинет и самой подготовиться, то есть вдумчиво помолиться по крайней мере минут двадцать.

Небо по-прежнему хандрило, и туфли Дороти, пока она толкала велосипед в калитку, промокли от невысохшей росы. Сквозь туман высившаяся на холме церковь Святого Афельстайна маячила свинцовой пирамидой, с пика которой одинокий колокол в единственном доступном ему регистре траурным басом отвешивал «буум!», «бу-у-ум!». Вообще в их церкви имелось восемь колоколов, но звонил лишь один (другие, снятые с крюков, вот уже три года продавливали пол колокольни). Снизу, из белой равнинной мглы, слышалось звяканье католического колокола – гадкой пустозвонной жестянки, чей звук Ректор прихода Святого Афельстайна удачно сравнивал с комнатным колокольцем, тренькающим о том, что чай готов, булочки подогреты.

Сев на велосипед и пригнувшись к рулю, Дороти заторопилась вверх по холму. Узкую переносицу щипало холодным ветром. Над головой невидимо мчались навстречу слоистые

низкие тучи. *Ранней зарей вознесу я хвалу Тебе!* Дороти намеревалась мигом проехать в задние ворота через кладбище, но, заметив черные разводы на руках, слезла, чтобы оттереть сажу растущей меж могил мокрой травой. Тем временем колокол смолк, она вскочила, кинулась со всех ног и успела войти в церковь вместе с Прогеттом, звонарем, топавшим теперь в своей потрепанной рясе и грубых огромных башмаках на пост алтарного причетника.

В храме стоял ледяной холод, пахло свечным воском и вековой пылью. Это был старый большой храм, слишком просторный для его нынешней общины, обветшавший, почти пустынный. Три островка скамей и вполонину не заполняли главный неф, а вокруг просто каменный пол с надписями, отмечающими плиты старинных склепов. Потолочный свод над престолом заметно прогибался; пара ярких лучей, насквозь пронзивших источенные створки ящика для церковных сборов, безмолвно обличали жучков, врагов и сокрушителей христианского мира. В тусклые окошки сочился бледный худосочный свет. Через открытые южные двери у крыльца топорщился кипарис, тихо покачивались побеленные известкой, сероватые в сумерках ветки.

Как обычно, паства на утреннем причастии была представлена одной мисс Мэйфилл, хозяйкой усадьбы Грейндж. Так мало прихожан заглядывало в церковь по будним дням, что Ректор находил юных служек лишь для воскресного обряда, когда мальчишкам нравилось щегольнуть на публике

церковным облачением. Вслед за мисс Мэйфилл Дороти вошла внутрь огороженной площадки для молений и в наказание за некий вчерашний грех отодвинула подушечку, встав коленями на голый камень. Служба началась. Ректор в сутане и полотняном стихаре быстро, привычно возглашал молитвы (сейчас уже вполне отчетливо, поскольку зубной протез прочно сидел на своем месте), но вот само благословение смущало странным тоном. Ректор был крайне холоден, на строгом немолодом лице, бледном, как серебро стертой монеты, застыла отчужденность, точнее даже откровенная неприязнь. «Да, это подлинное таинство, – явственно сообщалось вам выражением лица, – и долг мой совершить публично святой обряд, однако же не забываетесь, помните, что для вас я только духовное лицо, не друг и не приятель. Сам я симпатий к вам не питаю, смотрю на вас с пренебрежением и презрением».

Прогетт – по должности церковный сторож, звонарь, причетник и могильщик, на вид мужчина лет сорока, с курчавой сединой и смуглой морщинистой физиономией – внимал святым текстам в привычном благоговейном столбняке, не понимая ровно ничего, старательно вертя в красных ручищах миниатюрный причетный колокольчик.

Дороти прижимала веки пальцами, пытаясь сосредоточиться. Тревога о счете мясника не шла из головы, в то время как молитвы, известные до каждой запятой, впустую текли мимо. Стоило ей чуть приоткрыть глаза, они сразу пусти-

лись блуждать без всякой цели. Сначала вверх, к стоявшим на карнизе веселым безголовым ангелочкам, чьи шеи хранили зазубрины от пил, которыми казнили идолов солдаты-пуритане, потом обратно, к черневшей на голове мисс Мэйфилл шляпке «свиной пирожок» и трепыхавшимся под ней серьгам. Фигуру мисс Мэйфилл драпировало неизменное ее длинное черное пальто с воротничком из сального каракуля. Дороти еще в очень раннем детстве дивилась на это сооружение. Ткань пальто отчасти напоминала шелковый муар, а еще более – древесную кору и вся, по прихоти, расцветку не доступной, змеилась ручейками шнурованного канта; возможно, эта материя и являлась остатком легендарного правешества, «черного бомбазина». Мисс Мэйфилл была стара, стара настолько, что не осталось никого, кто бы помнил время, когда она старухой не была. От нее постоянно исходился слабый эфирный аромат, распознававшийся как запах нафталиновых шариков, одеколona и легкой струйки джина.

Дороти незаметно вытащила из лацкана большую портновскую булавку и под прикрытием спины мисс Мэйфилл вонзила острие себе в предплечье. Плоть дрогнула от боли. Но так и следовало – личный дисциплинарный метод, прием борьбы с кощунственной рассеянностью. Дороти давно придумала за каждую провинность наказывать себя уколом в руку, причем колоть достаточно жестоко, до крови.

С грозной булавкой наготове ей удалось молиться более

благочестиво. Ректор тем временем скосил недобрый темный глаз на скрючившуюся мисс Мэйфилл, частенько осеивавшую себя крестом (обычай, которого он не терпел). За стенами звонко трещали скворцы. Вдруг Дороти поймала себя на том, что взгляд тщеславно скользит по складкам ректорского стихаря, собственноручно ею сшитого два года тому назад, и, стиснув зубы, воткнула булавку на целую восьмушку дюйма.

И вновь они стояли на коленях. Читалась общая исповедь. Еще раз Дороти перевела глаза – увы, такие грешные! – и посмотрела направо, на витраж, созданный в 1851 году по эскизу члена-корреспондента Королевской академии сэра Уорда Тука и отобразивший момент торжественной официальной встречи Святого Афельстайна с ангельским корпусом Гавриила, а также замечательный тем, что все персоны на приеме в обители блаженных имели поразительное сходство как друг с другом, так и с принцем-консортом Альбертом, супругом королевы Виктории... Пришлось снова до крови вогнать в руку булавку. Усиленное внимание к смыслу звучащих слов молитвы направило мысли в нужное русло. Хотя булавка опять едва не пошла в ход на середине «Со ангелами, со архангелами», когда Прогетт бодро потрянул свой колокольчик. На этом месте Дороти всегда настигал чудовищный соблазн захохотать. Ей сразу вспоминался случай, рассказанный отцом: маленьким мальчиком отец прислуживал у алтаря, однажды язычок в его причетном колокольчике от-

винтился, звон заглох и священник под благостные распевы «Со ангелами, со архангелами, со всеми силами небесными славу Тебе поем! Тебя, Господи, славим!» шипел: «Да навинти же его, дурень, дубина бестолковая! Навинти, навинти его!»

По окончании процедуры освящения коленопреклоненная мисс Мэйфилл начала с необыкновенной медленностью, по частям, подниматься – похоже было, что туго распрямляется фанерный клоун на шарнирах. Подъем очередного сочленения сопровождался очередным дуновением нафталина и сильным скрипом, который производили отнюдь не косточки корсета, а собственные кости мисс Мэйфилл (услужливое воображение тут же подсовывало картину ожившего скелета под скорбной мантией).

Дороти все еще молилась, когда мисс Мэйфилл, покачиваясь и подергиваясь, заковыляла к престолу. Она едва могла ходить, но страшно обижалась, если ей предлагали помощь. В набор *эффектных* странностей мисс Мэйфилл входило и совершенно высохшее лицо, украшенное, однако, алчной пещерой огромного влажного рта. Нижняя губа, не держащая по старости слюну, отвисла, обнажив десну и ряд напминавших клавиатуру старой пианолы желтых искусственных зубов, а над верхней губой щетинились густые росистые усы – короче, рот не из самых аппетитных, не те уста, с которыми вас манит выпить из одного бокала. И неожиданно, как будто сам нечистый ей суфлировал, Дороти зашептала: «Господи!

Сделай так, чтобы мне не пришлось пригубить чашу святую после мисс Мэйфилл...» В ту же секунду она похолодела – лучше уж было откусить себе язык, чем высказать столь богохульное желание, да еще прямо перед Святым Причастием! Она так крепко всадила в руку булавку, что еле подавила крик. Затем смиренно приблизилась к алтарным ступеням и опустилась на колени слева от мисс Мэйфилл – теперь уж обязательно придется пить из потира после нее.

Низко опустив голову, сомкнув ладони, Дороти про себя читала покаянную молитву, спеша закончить до того, как отец подойдет с причастием. Но воодушевление погасло. Она слышала шарканье башмаков Прогетта и ровный отцовский голос, тихо приказывающий «возьми и съешь», видела серые проплешины красной ковровой дорожки под коленями, прекрасно ощущала рядом ароматическую смесь пыли, одеколona и нафталина, но абсолютно не имела сил думать о Теле и Крови Спасителя, даже о том, зачем она вообще сюда пришла. Ничего в мыслях, ничего в чувствах. Она пыталась перебороть себя, твердила начальные молитвенные фразы – напрасно, лишь пустые скорлупки слов. Отец остановился перед ней с облаткой в усталой, изящно вылепленной руке. Облатку Ректор держал кончиками пальцев, осторожно и аккуратно, вроде ложки с микстурой, однако глаза его неотрывно следили за мисс Мэйфилл, которая, согнувшись горбатой гусеницей, скрипела костями на все лады и так быстро, размашисто крестилась, будто стряхивала с во-

рота пальто лягушат. Дороти не решалась причаститься. Не смела. Честнее, гораздо честнее совсем уйти, чем взять участие с этой душевной мутой.

Случайно она взглянула в раскрытую южную дверь. Солнце копьем пробило облака, пронзило липовые кроны, и ветка, нависавшая над входом, вдруг вспыхнула бесподобной зеленью, зеленее всех нефритов и волн Атлантики. Какой-то волшебной силы самоцвет сверкнул, наполнил проем ярчайшим зеленым блеском и в тот же миг исчез. Радость хлынула в сердце. Чем-то, что больше и глубже всего, вспышка живого цвета возвратила покой, веру, любовь. Чудесным образом зеленая листва вернула дар благодарно и счастливо молиться. О, вся прекрасная земная зелень, будь ты вовек благословенна! Облатка растаяла на языке. Дороти приняла из рук отца серебряный потир и без малейшей брезгливости, даже с особым удовольствием от этой крохотной победы над гордыней, заметила у края чаши темный слюнявый отпечаток губ мисс Мэйфилл.

2

Церковь Святого Афельстайна являлась в топографии Найп-Хилла вершинным пунктом, и, если бы вас посетило желание взобраться на колокольню, вам бы открылся вид на десять миль кругом. Хотя не так уж много было того, что стоило обозреть, – обычный плоский, слегка бугристый ландшафт Восточной Англии, несносно скучный летом, зато в зимние дни вознаграждающий отраднo постоянной привычкой вязов распускать веера голых корявых сучьев на фоне свинцовых туч.

Вплотную к церковному холму лепился городок, длинная Главная улица делила его на совершенно разные районы. Южная сторона была старинной, благородно сельской, респектабельной. На севере дыбились корпуса сахароварного завода Блифил-Гордона, вокруг густо желтели дешевым кирпичом скопления дрянных коттеджей, заселенных по преимуществу рабочими. Эти рабочие, которых в двухтысячном составе жителей Найп-Хилла насчитывалось больше половины, были из пришлых, бойкие горожане, чуть не поголовно безбожники.

Светская городская жизнь вращалась вокруг двух центров. Клуб консерваторов Найп-Хилла (торговая лицензия на все виды спиртных напитков), сквозь эркерное окно которого во всякий час после открытия буфета лучшие местные

джентльмены, как толстенькие золотые рыбки в банке, дарили счастье любоваться завидной пухлостью их щек с румянцем того же яркого оттенка, что розовеет на свежайших жабрах. Чуть далее по Главной улице стильное заведение «Старинный чай» – уголок ежедневных рандеву дамской части Найп-Хилла. Не побывать утром от десяти до одиннадцати в «Старинном чае», не окунуться на полчаса в стихию очаровательного воркования: «Ах, дорогая, ты представь: с десяткой пик он выложил некозырную!.. О, дорогая, снова платишь за мой кофе? Ах, дорогая, это слишком, завтра я просто потребую платить за твой!.. Но, дорогая, погляди же на Тото – чудненький мальчик с таким чудненьким черненьким носиком! А вот мамулечка даст крошке кусочек тортика! На, мой Тотошечка!» – пренебречь непременно утренней «чашечкой кофе» в «Старинном чае» значило оказаться вне круга избранных. Ректор в своей едкой манере именовал великосветских дам «кофейной гвардией».

Неподалеку от стайки изящных («живописных») вилл, где обитали кофейные гвардейцы, но на пространстве несравненно более обширном, располагалась усадьба Грейндж, родовая крепость мисс Мэйфилл. Диковинное жилище с башенками, бойницами и прочей псевдоготической дребеденью – причуда некоего безумца, исполненная в 1870 году из красных кирпичей и, к счастью, почти скрытая от глаз прохожих чащей высокого кустарника.

Дом Ректора торчал на середине холма, фасадом к церк-

ви, тылом к Главной улице. Неясный стиль постройки включал такие архитектурные черты, как безобразность, несуразность и громоздкость, а также вечную облезлость трухлявой охристой штукатурки. Один из бывших приходских священников пристроил сбоку огромную теплицу, которую Дороти определила под мастерскую, хотя что-либо мастерить там было затруднительно ввиду стабильной, нескончаемой фазы ремонта. Сад перед домом давно был побежден нашествием косматых елей и ростом могучего густого ясеня, не пропускавшего в комнаты свет и неизменно губившего цветы на подоконниках. Сзади располагался обширный огород. Гряды весной и осенью вскапывал Прогетт, а семенами, рассадой и прополкой ведала Дороти, посвящая этим трудам буквально все время, что удавалось выкроить; в результате там обычно произрастали буйные джунгли сорняков.

Дороти спрыгнула с велосипеда. На калитку какой-то ретивый агитатор успел приляпать плакат: «Голосуйте за Блифил-Гордона и настоящую зарплату!» (близилась дополнительные выборы, и мистер Блифил-Гордон шел кандидатом от консерваторов). Возле парадной двери, на изодранном кокосовом половичке, лежали два письма. Одно от надзирателя епархии, другое, отвратительно тощее (счет, разумеется), от отцовских портных из мастерской «Каткин и Палм». Отец уже наверняка забрал все интересные ему послания, бросив другие. Дороти нагнулась поднять письма и тут, с мгновенным приливом ужаса, заметила застрявший в почтовой про-

рези конверт без марки.

Счет, несомненно, местный счет! Но мало этого: едва взглянув, Дороти знала – кошмарный счет от Каргила! Внутри что-то оборвалось, минуту она даже безумно молилась, чтобы это был счет на три фунта и семь шиллингов из лавки мануфактурщика Солпайпа, или из магазина «Весь мир для вас», или из булочной, молочной – откуда и от кого угодно, но только не от Каргила! Кое-как подавив панику, она вытащила конверт, нервно надорвала: «Счет по задолженности. Итог = 21 фунт, 7 ш., 9 п.». Стандартный текст, деловой почерк равнодушного клерка. Но ниже крупными обвинительными буквами приписано и жирно подчеркнуто: «Прошу уважаемое внимание, что счет находится в ожидании **ОЧЕНЬ ДОЛГО**. Незамедлительная уплата желательна **КАТЕГОРИЧЕСКИ**. С. Каргил».

Дороти побледнела и почувствовала, что завтракать ей совершенно расхотелось. Сунув конверт в карман, она направилась в столовую. Столовой служила сырая тесноватая комната, настоятельно требовавшая оклейки новыми обоями и обставленная, в ансамбле с остальными помещениями, различным древним хламом. Мебель была «солидной», но безнадежно развалившейся, продавленные шаткие кресла могли использоваться без ущерба для здоровья лишь при наличии глубоких специальных знаний об их бесчисленных пороках. По стенам потемневшие неразборчивые гравюры; одна из них, с вандейковского портрета Карла I, возможно, об-

лада́ла бы даже некоторой ценно́стью, если б не пятна обильной плесени.

Ректор стоял перед пустым камином, отогреваясь у воображаемого огня, читая письмо, присланное в голубом элегантном конверте; черный шелк еще не снятой сутаны красиво оттенял снежную белизну волос и бледность тонкого, отнюдь не добродушного лица. При появлении Дороти Ректор отложил письмо и, вынув золотой брегет, многозначительно взглянул на стрелки.

– Боюсь, папа, что я немножко опоздала.

– Да, Дороти, ты *немножко* опоздала, – молвил отец, повторив слова дочери с легким, но выразительным нажимом. – Если быть точным, опоздала ровно на двенадцать минут. Не думаешь ли ты, Дороти, что, когда мне приходится вставать перед причастием в четверть седьмого и возвращаться совершенно изнуренным, было бы лучше, если бы ты прибывала к завтраку, не будучи *немножко* опоздавшей?

Стало ясно, что Ректор сегодня в настроении, которое Дороти про себя образно называла «трудным». Голос звучал той глубочайшей утомленностью, когда интонации не несут ни явственно сердитой, ни сколько-нибудь положительной окраски, лишь постоянное «ну до чего несносна эта ваша мышьяная возня!». Вид Ректора столь же красноречиво демонстрировал вечную муку от назойливой глупости окружающих.

– Папа, прости, пожалуйста! Мне обязательно нужно бы-

ло зайти справиться о здоровье миссис Тони (той самой «мс. Т.», которая значилась в памятке сразу после «СП»). Младенец у миссис Тони родился вчера ночью, и ты ведь знаешь, она обещала мне прийти, чтобы ты смог благословить ее дитя, но ведь она и не подумает прийти, если подумает, что мы не проявляем к ней участия. Ты ведь знаешь, какие они странные, эти женщины, – иногда кажется, что они просто ненавидят благословения, и не приходят никогда, если я их не уговариваю.

Ректор не проворчал, только досадливо хмыкнул на пути к столу, выразив таким образом, что, во-первых, долг этой миссис Тони явиться за благословением без всяких уговоров, а во-вторых, что Дороти не следует напрасно тратить время на разный сброд, в особенности перед завтраком. (Миссис Тони была женой фабричного рабочего и проживала *in partibus infidelium*², к северу от Главной улицы.) Ректор взялся за спинку кресла и бросил на Дороти взгляд, устало говоривший: «Можно ли, наконец, начать? Или имеются *еще* какие-то препоны?»

– Думаю, все уже на столе, папа, – сказала Дороти. – И если ты готов возблагодарить...

– *Benedictas benedicat*, – произнес Ректор, снимая с блюда ветхую парчовую салфетку.

Парчовая салфетка и десертная серебряная с остатками позолоты ложечка были фамильным достоянием; остальные

² На землях неверных нечестивцев (*лат.*).

столовые приборы, как и предметы фаянсовой посуды, достались с массовых сезонных распродаж.

– Опять передо мной все тот же бекон, – констатировал Ректор, разглядывая три лепестка, свернутые на квадратиках поджаренного хлеба.

– Боюсь, что это все наши припасы, – вздохнула Дороти. Взяв вилку двумя пальцами, Ректор с легкой опасливостью перевернул один из лепестков.

– Разумеется, мне известно, – начал он, – что бекон к завтраку является столь же древним и прочным английским учреждением, как парламент. И все же ты не находишь, Дороти, что время от времени мы могли бы решиться на небольшое отступление от традиций?

– Бекон сейчас такой дешевый, – оправдываясь, пояснила Дороти, – даже грешно не покупать его. Этот, например, продавался по пять пенсов за фунт, а я недавно видела вполне приличный бекон всего по три.

– Датский, я полагаю? Какое множество разбойных датских нападений пережила наша несчастная страна! Сначала эти датчане вторгались с луками и стрелами, теперь со своим мерзким дешевым беконом. И кстати, любопытно, что же оказалось для британцев *более* гибельным?

Слегка повеселев от собственной остроты, Ректор сел плотнее и довольно прилично закусил презренным беконом. Дороти бекон не ела (епитимья, наложенная на себя за сказанное накануне «черт возьми» и полчаса вчерашнего по-

слеобеденного безделья), она придумывала удачные вступительные фразы к важному разговору.

Предстояло исполнить неприятнейшее задание – попросить у отца деньги. Достичь здесь положительного результата почти не удавалось и в относительно благоприятные моменты, сегодня же успех потребует усилий исключительных, ибо по всем признакам этим утром отец не только «трудный», но и «сложный» (еще один из эвфемизмов Дороти для внутреннего пользования). «Ему, наверно, сообщили какие-то плохие новости», – уныло размышляла Дороти, глядя на голубой конверт.

Никто, побеседовав с Ректором больше десяти минут, не стал бы отрицать, что он принадлежал к «трудному» человеческому типу. Но разве по собственной вине? Причина хронически дурного расположения духа крылась в том безусловном природном факте, что он являл собой анахронизм. Ему никак нельзя было родиться в двадцатом веке, сам воздух которого душил и возмущал его. Пару столетий назад он был бы скептиком широких взглядов, тешил бы себя стихотворчеством или коллекцией окаменелостей и наслаждался прелестью свободы, пока младший викарий за сорок фунтов в год тащил бы на себе все приходские хлопоты. Даже теперь он мог бы, при относительном благополучии, разочарованно покинуть современный варварский мир. Однако скромное уединение под сенью канувших веков по нашим временам стоит недешево. Не менее двух тысяч фунтов в год. Есте-

ственно, прикованный своим мизерным доходом к эпохе Ленина и «Дейли Мэйл»³, он никогда не выходил из состояния раздражительности, которая, конечно, изливалась на наиболее доступные объекты – прежде всего на Дороти.

Младший сын младшего сына баронета, Ректор родился в 1871 году и принял духовный сан вследствие благородного обычая награждать младших, отлученных от наследства, сыновей профессией священника. В виде первой церковной бенефиции ему достался обширный лондонский приход среди трущоб Ист-Сайда – богомерзкое скопище грязных бандитских притонов, которое он вспоминал с глубоким отвращением. Уже тогда «низшие классы» (он предпочитал именно этот термин) начали вольничать, непозволительно дерзить. Несколько лучше стало, когда его перевели викарием в какое-то местечко графства Кент (где, кстати, родилась Дороти); в том захолустье благопристойно приниженные поселяне еще снимали шляпы перед «его преподобием». Почти идиллия, однако Ректор успел чертовски неудачно жениться, а поскольку священникам не подобает давать пример семейных распрей, злосчастье его брака копилось в тайне, то есть было стократ ужасней. В Найп-Хилл он прибыл в 1908 году, имея при себе свои тридцать семь лет и безнадежно испорченный характер, довольно скоро распугавший причисленных к его округу мужей, жен и детей малых.

Паства рассеялась не оттого, что Ректор был дурным свя-

³ Популярная, отвечающая обывательским вкусам газета.

щенником, а оттого, *каким* священником он был. Все служебные обязанности он выполнял с неукоснительной корректностью – быть может, несколько излишней для равнодушной к церемониям общины, возвращенной в лоне Низкой церкви Восточной Англии. Он совершал обряды с безупречным вкусом, сочинял образцовые проповеди, вставал до света по средам и пятницам, чтобы отслужить причастие самым тщательным образом. Однако то, что Ректор, духовный попечитель прихода, имеет некие обязанности и за стенами храма, – такое даже не мелькало в его мыслях. Лишенный финансовой возможности взять в помощь младшего священника, он поручал всю досаждавшую возню с приходом сначала супруге, а после ее кончины, случившейся в 1921 году, – дочери. Люди ехидно говорили, что, будь тут его воля, он дал бы Дороти и проповеди за себя читать. Злословили несправедливо; «низшие классы» обижало высокомерие нищего священника. Явись он перед ними богачом, они привычно кинулись бы ползать и угождать, ну а в реальных обстоятельствах дружно его возненавидели. В свою очередь, Ректора мало трогало, любят или не любят его эти людишки, само существование которых он едва ли замечал. Однако и с «высшими классами» отношения у него сложились ничуть не лучше. Надменностью он постепенно оттолкнул все сельское дворянство, тем же явным пренебрежением внук баронета уязвил и городскую нетитулованную знать. За двадцать три года служения в Найп-Хилле ему удалось сокра-

тить паству Святого Афельстайна с шестисот прихожан до неполных двух сотен.

Не только личный характер Ректора способствовал этому впечатляющему результату. Настроенная на старинный дух «высокая» ветвь англиканства, к которой упрямо льнул высокородный священник, имела свойство примерно в равной степени быть неприятной для всех приходских партий. Вообще в наши дни у служителя церкви лишь два пути к публичному успеху. Либо просто (вернее, именно непросто: за-тейливо и театрально) творить обряды на католический ма-нер, либо удариться в самую дерзкую широту модных воз-зрений и утешительно доказывать с амвона, что никакого ада за гробом нет и все хорошие религии одно и то же. Ректор отвергал оба курса. Кипучие возвышенные страсти англо-католиков он, кривя губы, называл «римской лихорадкой», зато простецких прихожан то и дело насмерть сражал ро-ковым словом «католический», употребляя его не только в текстах из Писания, но и в собственной речи. Таким обра-зом, паства все таяла и таяла, причем первыми удалились Лучшие Люди. Ушел владевший пятой частью графства лорд Покторн, хозяин Покторн-корта, за ним крупный помещик, в прошлом негодичант-кожеторговец мистер Ливис, затем сэр Эдвард Хьюзон из Крэбтри-холла, затем и остальные благо-родные джентльмены – владельцы автомобилей.

Большая часть изменников теперь по воскресеньям от-правлялась за пять миль в Миллборо. Там было вдвое боль-

ше жителей и два храма на выбор. Для модернистов – церковь Святого Эдмунда: над алтарем цитата из поэмы Блейка⁴ «Иерусалим», к причастию вино в ликерных рюмочках. Для поклонников Рима, непримиримых партизан вечной войны против британского Епископа, – церковь Святого Уэдекинда. И некоторые шли в этой битве до конца: так, мистер Камерон, секретарь Клуба консерваторов Найп-Хилла, всецело обратился в католичество, и дети его ринулись на передний край римско-католического литературного фронта (ходили слухи, что даже попугая в этом семействе научили твердить «Extra ecclesiam nulla salus»⁵). В итоге из персон со сколько-нибудь видным положением верность Святому Афельстайну сохранила одна мисс Мэйфилл из усадьбы Грейндж. Любимой церкви была завещана большая часть ее немалых капиталов. По крайней мере так утверждала сама мисс Мэйфилл, хотя при этом ни разу не было замечено, чтоб ее лепта в церковных сборах превысила шесть пенсов; к тому же щедрая завещательница, очевидно, владела секретом вечной жизни.

Первые десять минут завтрака прошли в полнейшей тишине. Дороти собиралась с духом, храбрилась – требовалось

⁴ Поэт, художник и философ Уильям Блейк (1757–1827); мистическая символика его произведений стала особенно модной в эпоху европейского «нового стиля».

⁵ «Вне Церкви нет спасения» (*лат.*) – формула католического догмата и главный пункт расхождения с протестантизмом, отвергающим посредничество Церкви.

завести ну хоть какой-то разговор, чтобы приблизиться к вопросу о деньгах. Отец не был любезным светским собеседником. То он парил в неведомых высотах и вряд ли даже слышал вас, а то, напротив, слушал с чрезвычайным, чересчур пристальным вниманием и затем утомленно резюмировал, что говорить такую чушь вообще не стоило. От вежливых банальностей (погода и тому подобное) мгновенно разгорался его сарказм. Тем не менее в целях дипломатического вступления Дороти выбрала именно погоду.

– Странный сегодня день, не правда ли? – произнесла она и, еще не договорив, сама поразилась бессмысленности замечания.

– Чем же *странный*? – осведомился Ректор.

– Ну, я хочу сказать, что утром было холодно и сыро, а теперь солнце вышло и погода стала лучше.

– Есть ли здесь нечто *странное*?

«Ох, нет, – думала Дороти, – это совсем не подходит. Ему, должно быть, сообщили очень плохие новости». Она сделала новую попытку:

– Мне бы ужасно хотелось, папа, чтобы ты как-нибудь пришел взглянуть на огород. У красной фасоли в этом году рост просто удивительный, стручки, наверно, будут длиннее фута. Надо самые крупные плети оставить на Праздник урожая. Будет ведь просто замечательно, если украсить амвон гирляндами фасоли и несколькими яркими томатами...

Явный faux pas⁶. Ректор оторвал взгляд от тарелки и посмотрел с выражением скорбной брезгливости.

– Дорогая Дороти, – жестко сказал он, – так ли обязательно уже сейчас терзать меня этим Праздником урожая?

– Прости, папа, – заволновалась Дороти. – Я вовсе не хотела тебя терзать, я просто думала...

– Ты, вероятно, думаешь, – продолжал Ректор, – что для меня блаженство и отрада стоять на кафедре среди пучков фасоли? Но я не зеленщик. У меня аппетит пропадает при одной мысли об этой дикости. Когда дурацкое несчастье разразится?

– Шестнадцатого сентября, папа.

– Итак, не ранее чем через месяц. Сделай милость, позволь хотя бы на этот краткий срок забыть о тягостном грядущем! Вероятно, таков наш долг – терпеть раз в год столь вздорную затею и услаждать здесь всякого, кто воображает себя любителем садов и огородов. Однако нет надобности уделять этому балагану какое-либо внимание сверх неизбежного.

Как Дороти могла забыть особенное отвращение отца к Праздникам урожая! Он даже потерял весьма важного прихожанина – бранчливого мистера Тогиса, владельца крупного огородного хозяйства, – вследствие нежелания «превращать церковь в овощной лоток». Мистер Тогис, anima

⁶ Ложный шаг, промах (фр.).

naturaliter Nonconformistica⁷, удерживался при храме Святого Афельстайна исключительно благодаря старинной персональной привилегии декорировать боковой придел к Празднику урожая рядами гигантских кабачков, поставленных стоймя на манер исполинских языческих обелисков Стоунхенджа. А год назад мистер Тогис сподобился взрастить истинного левиафана – громадную огненно-красную тыкву, для переноски которой понадобились два грузчика. Гигантский овощ был водружен в алтарной нише на подоконнике витражного окна и там, буквально затмевая свет, царил, как идол, торжествующий над христианством. В какой бы части церкви вы ни стояли, тыква, что называется, била в глаза.

Мистер Тогис достиг вершины упоения. Не в силах оторваться от обожаемой багровой тыквы, он околачивался в церкви день и ночь и энергично комплектовал группы посменных экскурсантов, желавших полюбоваться предметом его страсти. Увидев в эти минуты мистера Тогиса, вы бы решили, что он декламирует оду Вордсворта, посвященную Вестминстерскому мосту:

Нет у земли создания прекрасней!
И сердца нет у тех, кто равнодушно
Минует это царственное чудо!

У Дороти тогда даже забрезжила надежда убедить мистера

⁷ По натуре нонконформист (*лат.*). Имеется в виду склонность к идеологии «свободных» религиозных сект, не согласных с англиканством.

Тогиса регулярно причащаться. Но когда тыкву увидел Ректор, он впал в бешенство, приказав «сию минуту выкинуть эту гадость». Смертельно оскорбленный, мистер Тогис тут же переменял храм веры; и он, и все его наследники были потеряны для церкви Святого Афельстайна навсегда.

Дороти решила на еще одну попытку завязать разговор. – Костюмы для «Карла I» неплохо продвигаются, – сообщила она. (Дети в воскресной школе репетировали пьесу «Карл I», сбор от спектакля предназначался Фонду покупки нового органа.) – Жаль только, что мы выбрали такую тяжелую эпоху. Клеить доспехи очень трудно, а уж с ботфортами, боюсь, вообще возникнут страшные сложности. Лучше, наверное, было бы ставить что-нибудь греческое или римское. Что-нибудь, где носят простые тоги и ходят босиком.

Ректор откликнулся очередным глухим ворчанием. Школьные пьесы и процессии, благотворительные базары и распродажи виделись ему предприятиями менее устрашающими, чем Праздники урожая, однако он не скрывал, что никакого интереса к ним не испытывает и числит по разряду все тех же неизбежных зол.

В этот момент служанка Эллен, неуклюже толкнув дверь, вошла и встала, придерживая фартук на животе большущей шелушащейся рукой. Сутулая и долговязая, с тусклыми волосами и скверным цветом лица, она страдала хронической экземой. Эллен испуганно уставилась на Ректора, но в страхе перед хозяином, не сводя с него глаз, обращалась к Дороти:

– Пожалста, мисс, – прохныкала она.

– Да, Эллен?

– Мисс, пожалста, – плаксиво зятянула служанка, – там в кухне мистер Портер, он там хочет, чтоб можно, чтобы его преподобие сходит, чтоб окрестить младенчика миссис Портер? Потому как они думают, не протянуть ему, видать, до вечера, а он как есть не окрещенный, мисс.

Дороти вскочила.

– Сядь! – резко бросил Ректор, не прекращая жевать.

– Но что с ребенком? – заволновалась Дороти.

– Ох, мисс, да он чернеет и чернеет и сделался уж вовсе черный, и уж такой понос из его хлещет, ну прямо страсть!

Ректор с трудом сглотнул.

– Мне обязательно выслушивать все эти омерзительные подробности, когда я за столом? – воскликнул он. Потом набросился на Эллен: – Ступай, гони этого Портера, скажи, что я приду к ним после полудня. Для меня абсолютно непостижимо, почему низшие классы всегда являются и досаждают людям в момент трапезы? – добавил Ректор, метнув гневный взгляд на Дороти.

Разумеется, докучный мистер Портер был самым настоящим «низшим классом» (точнее – каменщиком), и, разумеется, его желание срочно крестить хилого новорожденного священник одобрял. Случись необходимость, Ректор без малейших колебаний прошагал бы и двадцать миль по снегу для спасения младенческой души. Он только не мог перене-

сти, что его дочь готова вскочить из-за стола, дабы мчаться на зов простого каменщика.

Разговор окончательно прервался. Сердце у Дороти падало ниже и ниже. Деньги просить она *должна*, но просьба, сомнений уже не вызывало, будет отвергнута. Окончив завтрак, Ректор неторопливо поднялся, достал с каминной полки банку с табаком и начал набивать трубку. Вознеся краткую молитву о даровании отваги, Дороти крепко ущипнула себя («Ну, Дороти, начинайте! Без уверток, прошу вас!») и заставила язык зашевелиться:

– Папа...

– В чем дело? – обернулся Ректор со спичкой в руке.

– Папа, есть кое-что... мне очень хотелось бы спросить.

Об очень важном...

Взгляд Ректора изменился. Он сразу угадал, какой последует вопрос, и, как ни странно, выглядел сейчас менее раздраженным. Лицо его окаменело, приобретя сходство с крайне холодным и неотзывчивым сфинксом.

– Дороти, дорогая, я знаю, что именно ты собираешься сказать. Ты снова хочешь попросить денег. Правильно?

– Да, папа, потому что...

– Не трудись, я избавлю тебя от объяснений. Денег нет – абсолютно никаких денег до следующего квартала. Твоя сумма была своевременно выдана, больше я не сумею дать ни полпенни. И напрасно было вновь меня беспокоить.

– Но, папа...

Сердце стучало на самом дне. В попытках говорить с отцом о деньгах хуже всего была эта его невозмутимость. Он никогда не становился таким бесчувственным, как в те моменты, когда ему напоминали о затопивших его долгах. Словно не понимая, что торговцы хотят иногда покрывать свои кредиты и что всякий дом требует содержания, он отпускал Дороти восемнадцать фунтов в месяц на все расходы по хозяйству, включая жалованье Эллен, но был весьма «внимательным» насчет еды, чутко улавливая малейшее ухудшение ее качества. Соответственно, колесо домашних дел скрипело круговоротом вечных долгов, которых Ректор как бы не замечал и, похоже, действительно не видел. Вот если неудачно шла игра на бирже, его обуревали сильные тревоги, а счета от каких-то торгашей – подобной мелочью он себе голову не забивал.

Дымное ароматное облачко плавно вилоьсь из трубки. Ректор пристально созерцал гравюру с портретом Карла I, забыв, вероятно, о просьбе Дороти. Видя его таким беспечным, она ощутила прилив отчаянного мужества и значительно тверже, чем прежде, сказала:

– Папа, пожалуйста, послушай! Мне необходимы сейчас деньги! Просто необходимы! Так продолжаться не может, мы задолжали чуть ли не всем лавочникам. Я уже просто не в состоянии снова идти по магазинам, зная про все наши счета. Ты знаешь, что мы задолжали Каргилу почти двадцать два фунта?

– И что же? – выдохнул Ректор между двумя короткими затыжками.

– Счет накапливался целых семь месяцев! Он посылался нам снова и снова. Мы *должны* оплатить его! Нехорошо, как-то нечестно заставлять мясника дожидаться своих денег так долго!

– Пустяки, дитя мое! Все эти люди заранее готовы подолгу ждать. Это им нравится. Это, в конце концов, им выгодно. Кто знает, сколько теперь за мной у «Каткина и Палма», я этим даже не интересуюсь. Они напоминают об уплате каждой утренней почтой, однако ты не слышишь моих жалоб, не правда ли?

– Но, папа! Я не умею смотреть на это, как ты, я не могу! Невыносимо всегда быть должником! Даже если это не истинный грех, это так отвратительно! Когда я захожу в магазин Каргила, чтоб заказать мясо к обеду, он отвечает мне ужасно резко и обслуживает всегда самой последней, и все из-за того, что наши счета лишь копятяся и копятяся. И я не смею перестать у него заказывать. Если я перестану, он вообще рассердится и может заявить в полицию.

Ректор нахмурился:

– Что? Ты хочешь сказать, что наглый малый обходится с тобой неподобающим образом?

– Нет-нет, я не сказала, что он наглый. Мы не вправе его винить, если он недоволен, когда ему не платят.

– А я имею право винить! Невероятно, до какой степени

распустились эти молодчики. Невероятно! Ну вот, извольте посмотреть, вот так нас делают мишенью для издевательств в нашу милую эпоху. Вот вся их демократия – *прогресс*, как у них принято выражаться. Никогда больше не делай заказов у наглеца, скажи ему, что ты немедленно заводишь счет в какой-нибудь другой лавке. Единственный способ ставить этот народ на место.

– Но, папа, ничего же не изменится. Разве на самом деле и по совести мы не должны ему заплатить? И неужели совершенно невозможно достать нужную сумму? Продать, может быть, несколько твоих акций или еще что-то?

– Дитя мое, ни слова об акциях! Мне только что доставили самые неприятные известия. Мой брокер сообщил, что акции «Суматра-никель» упали с семи шиллингов четырех пенсов до шести шиллингов одного пенни, – убыток почти в шестьдесят фунтов. Я отдал письменное распоряжение спешно продать весь мой пакет, пока курс не понизился до минимума.

– Но если ты продашь, появятся наличные, ведь правда, папа? Не думаешь ли ты, что было бы чудесно освободить себя от долга раз и навсегда?

– Пустяки, пустяки, – ответил Ректор, вновь обретая спокойствие и возвращая трубку в рот. – Ты абсолютно ничего не смыслишь в финансовых делах. Мне нужно будет сразу инвестировать средства в более перспективную компанию, дабы возместить потери.

И, заложив палец за пояс сутаны, Ректор сосредоточенно застыл перед офортom. Брокер теперь советовал «Цейлон-алмаз». Здесь, в туманных «цейлон-алмазах» и «суматра-никелях», крылась причина непрерывных материальных бедствий. Ректор был игроком. Нет, разумеется, ни тени азартных игр, а просто беспрестанный поиск «удачных инвестиций». Достигнув совершеннолетия, будущий Ректор унаследовал четыре тысячи фунтов, в процессе инвестиционных операций усохших до тысячи с небольшим. Но еще хуже, что, наскребая полсотни фунтов из годового жалкого дохода, он мигom безвозвратно пускал их в ту же трубу. Факт примечательный – среди всех классов и сословий соблазн «удачных инвестиций» с особенным упорством преследует духовных лиц. Возможно, такова современная ипостась назойливых и неотвязных бесов, которые, приняв женственный облик, искушали отшельников в раннем Средневековье.

«Куплю пятьсот „Цейлон-алмазов”», – решил мысленно Ректор.

Надежда почти оставила Дороти. Отец ушел в думы об «инвестициях» (о них она действительно знала лишь то, что они складывались неудачно с феноменальной регулярностью), еще минута – и вопросы счетов-долгов окончательно выскользнут из его сознания. Она предприняла последний штурм:

– Папа, прошу тебя, давай покончим с этим. Ты в самом деле не сумеешь дать мне еще немного денег? Пусть не сей-

час, а в конце месяца или хотя бы вначале следующего?

– Нет, дорогая, не сумею. Возможно, ближе к Рождеству, но и тогда весьма и весьма маловероятно. Пока же – ни при каких условиях. Ни одного свободного пенса.

– Папа! Но так ужасно жить, не платя долгов. Это ведь нас позорит! Когда в последний раз приезжал мистер Уэллен-Фостер (мистер Уэллен-Фостер служил епархиальным надзирателем), его жена обегала весь город, расспрашивая, как мы проводим время, какой у нас стол, сколько мы покупаем на зиму угля и все, все, все. Она всегда высматривает и выпытывает. Она узнает, что мы так много задолжали!

– Однако это, надо полагать, наше личное дело? Мне не совсем понятно, при чем здесь миссис Уэллен-Фостер или иное стороннее лицо.

– Но она растрезвонит о нас повсюду и еще приукрасит! Ты ведь знаешь, какова миссис Уэллен-Фостер: старается в каждом приходе набрать о священнике всяких постыдных сведений, чтобы потом каждую мелочь пересказать Епископу. Не хочу отзывать о ней плохо, но, честно говоря, она...

Почувствовав, что «честно говоря» сказать хотелось очень плохо, Дороти замолчала.

– Она – мерзейшая особа, – ровно произнес Ректор. – И что же? Слышал ли мир о таких женах епархиальных надзирателей, которые не являлись бы мерзейшими?

– Ну, папа, мне не убедить тебя, насколько все серьезно. Пойми, пожалуйста, через неделю нам просто не на что бу-

дет существовать. Я даже не знаю, где взять мяса сегодня на обед.

– Ленч, Дороти, ленч! – поправил Ректор с некоторым раздражением. – Я настоятельно просил бы тебя оставить вульгарную привычку называть ленч «обедом».

– Хорошо, папа, – ленч. Но где мне все-таки достать мясо? Я не посмею опять просить у Каргила.

– Пойди к другому мяснику. Как там его зовут? Салтер? И позабудь ты наконец об этом Каргиле. Он знает, что ему заплатят рано или поздно. Бог мой, вокруг чего такая суета! Разве не все порядочные люди должны своим поставщикам? Прекрасно помню, что, когда я учился в Оксфорде, за отцом числились какие-то его оксфордские счета тридцатилетней давности. А старина Том – Том являлся кузеном Ректора, баронетом, – имел долгов на восемь тысяч, пока не получил по завещанию. Он сам мне презабавно рассказывал об этом.

Больше ждать было нечего. Если уж появлялся «кузен Том» и вспоминалось «когда я учился в Оксфорде», конечно. Это означало, что отец снова в краях утраченного «золотого века» и там, конечно, ни пяди для столь низменных материй, как счета лавочников. Случалось, моменты отказа от презираемой действительности шли длинной непрерывной полосой и Ректор совершенно забывал, что он стареющий нищий священник провинциального прихода, а вовсе не юный отпрыск знатного семейства, наследник фамильных латифундий. Аристократизм воистину был у него в крови.

И разумеется, пока он жил (кстати, совсем неплохо) в мире собственных благородных грез, Дороти в одиночку отбивалась от кредиторов, хлопоча по дому и растягивая воскресный ломоть баранины до четверга. Хорошо зная бесплодность дальнейших просьб – диалог мог закончиться лишь вспышкой отцовского гнева, – Дороти стала собирать посуду на поднос. Уже в дверях она все-таки тихо спросила:

– Папа, ты абсолютно уверен, что даже чуточку денег дать не получится?

Глядевший куда-то вдаль, окутанный уютными клубами дыма, Ректор больше не замечал дочь. По-видимому, он витал сейчас в одном из драгоценных оксфордских снов. Расстроившись почти до слез, Дороти вышла. Вопрос долгов снова, в тысячный раз, отложен и, главное, нет никакой надежды когда-нибудь покончить с ним.

3

Позволив дряхлому велосипеду с привязанной к рулю плетенкой свободно катиться вниз, Дороти выполняла в уме всевозможные арифметические действия с тремя фунтами, девятнадцатью шиллингами и четырьмя пенсами – всеми ее ресурсами до следующего квартала.

Мысленно варьировался список наиболее срочных покупок, хотя было бы легче перечислить, в чем их хозяйство срочно не нуждалось. Чай, кофе, мыло, спички, свечи, сахар, крупа, сода, дрова, масло для лампы, порошок для теста, маргарин, гуталин – похоже, закончилось буквально все. И поминутно, повергая Дороти в смятение, выпрыгивали новые пункты безотлагательных расходов. Например, счет из прачечной, и уголь вот кончается, и еще непременно рыба на пятницу, притом что относительно рыбы отец тоже был «сложным» (иначе говоря, ел только дорогие сорта, а от трески, сельди, салаки, ската, хека отказывался наотрез).

Однако же сейчас требовалось хорошенько сосредоточиться на мясе к сегодняшнему обеду, то есть *ленчу*. Дороти очень внимательно прислушивалась к замечаниям отца и всегда говорила «ленч», когда вовремя вспоминала о правильном названии. Хотя тогда вечерние их трапезы также следовало бы именовать «легкой вечерней закуской», ибо блюдо для настоящих ужинов в доме Ректора не готовили.

«К обеду (ой, ленчу! ленчу!) можно омлет», – мысленно постановила Дороти. Смелости не хватало идти сегодня к Каргилу. С другой стороны, если на обед будет омлет, а вечером яичница, отец наверняка опять скажет что-нибудь страшно язвительное. Последний раз, когда на их столе вторично за день появились яйца, он только холодно спросил: «Решила поддержать местное птицеводство, Дороти?» Но если все-таки омлет, а завтра сходить в «Весь мир для вас», взять два фунта сосисок и оттянуть проклятый вопрос о мясе до послезавтра? Три фунта, девятнадцать шиллингов, четыре пенса разделить поровну на тридцать девять дней... Условие задачи всплеснулось волной жалости к своей горькой доле, но тотчас последовало усмирение: «Не нойте, Дороти! Пожалуйста, без этого! *Отец Ваш Небесный питает их (Матфей, 6:26)*». Господь поможет! А точно Он поможет? Рука, покинув велосипедный руль, поспешно стала нащупывать булавку, но богохульная мыслишка испарилась – перед глазами возник хмурый багряноликий Прогетт, навтыжку стоящий у обочины и уважительно, однако настоятельно приветствующий Дороти. Дороти слезла с велосипеда.

– Прощения, мисс, – заговорил Прогетт. – Разговор, мисс! *Особо дело.*

Дороти про себя вздохнула: «особо дело» Прогетта всегда имело единственное содержание – очередная угрожающая весть о здании церкви. Постоянно нахмуренный Про-

гетт был крайне честен и столь же, хотя несколько своеобразно, благочестив. Не отличаясь кругозором, достаточным, чтобы понять догматы веры, Прогетт нашел выход своим религиозным чувствам в неутихающей тревоге о состоянии храмовой постройки. По его убеждению, «твердыня церкви» означала конкретные стены, полы и перекрытия церкви Святого Афельстайна в Найп-Хилле, и он сутками напролет рыскал от крыши до подвала, горестно обнаруживая то трещину в кладке, то ненадежный трухлявый брус, с тем чтобы постоянно изводить Дороти мрачными рапортами, требуя срочного ремонта. Ремонта, на который нужны просто немислимые средства!

– А что случилось? – кротко спросила Дороти.

– Ну это, мисс, эти вот... – На губах Прогетта стал постепенно оформляться начальный звук – не слово, а тень, дуновение, призрак слова с довольно явственным, однако, начальным «с-с». Прогетт принадлежал к типу мужчин, которые в любой момент и по любому поводу готовы употребить бранное словечко, но успевают на лету схватить его и водворить за крепко сжатые зубы. – Эти вот, с-с... нятые которые, колоколы-то наши, – договорил Прогетт, не без усилия направив сомнительное «с» в русло приличия и добродетели. – От их, которых посымали, полы, вон, в колокольне все разъехавшись. И тут им быть, значит, скоро, на наших головах, как мы и глянуть не успеем. Утром я туды слазил, мисс, и прямо кубарем оттудова, как, значит, все полы под

ими разъехавшись.

Жалобы на опасную тяжесть колоколов поступали от Прогетта с интервалами не реже двух недель. Но положение оставалось неизменным уже три года, ибо точно было подсчитано, что перевеска или вынос снятых колоколов обойдется в целых двадцать пять фунтов (звучавших не страшнее двадцати пяти миллионов при равных шансах на изыскание подобных сумм). Между тем страхи Прогетта были вполне резонны. Не в этом году, так в следующем или чуть позже, но в самом ближайшем будущем колокола проломают потолок и рухнут в церковный портик. Согласно сумрачным прогнозам Прогетта, случится катастрофа в момент дружного выхода прихожан из церкви после воскресной утренней проповеди.

Дороти снова вздохнула. Злосчастные колокола давили постоянно гнетущей мыслью, часто вторгаясь в сны картиной своего жуткого падения. Вообще, вся церковь взывала бесконечными бедами: ветхая колокольня и сгнившая крыша, или упавшая ограда, или сломанная скамейка, чинить которую плотник берется только за десять шиллингов, или семь сборников псалмов по полтора шиллинга, или забитый дымоход (будьте любезны полкроны трубочисту!), или разбитое окно, или до дыр изношенные сутаны юных певчих. И вечно нужны деньги, и никогда их не хватает ни на что. И наконец, новый орган, купить который Ректор распорядился пять лет назад, поскольку старый, говорил он, напоминает корову, страдающую астмой; под этим новым бременем сме-

та церковных расходов вконец изнемогла.

– Просто не представляю, *что* мы можем сделать, – сказала Дороти. – Просто не представляю. Касса пуста, и если даже школьный спектакль сделает сбор, все тут же пойдет в Органный фонд. Изготовители органа уже становятся не очень вежливыми из-за просроченных счетов. Вы говорили с моим отцом?

– Сказал, мисс. Да ему и в ум такое дело не входит. «Пять, говорит, веков стояла колокольня, и отчего бы ей еще сто лет не простоять?»»

Типичный стиль Ректора. Колокольня буквально падала на него, а он спокойно игнорировал сей факт, как и все то, о чем нисколько не имел желания волноваться.

– Не представляю, *что* нам делать, – повторила Дороти. – Конечно, через неделю благотворительный базар, и я очень рассчитываю на мисс Мэйфилл. Она может нам дать что-нибудь замечательное. Ведь у нее столько всяких чудесных вещей, которыми даже не пользуются. На днях она мне показала лоустофтский чайный сервиз, и выяснилось, что фарфор не доставали из шкафа двадцать лет. Представьте только, вдруг она нам даст этот сервиз? Он бы, конечно, принес фунты, фунты! Нужно молиться об удачной распродаже. Молитесь.

Прогетт, чтобы выручить по крайней мере фунтов пять; я твердо верю, что удастся раздобыть эти деньги, если мы горячо, от всего сердца помолимся.

– Да, мисс, – почтительно ответил Прогетт и устремил свой взор за горизонт.

Раздалось кваканье автомобильного клаксона: сверкая новым лаком, с холма по направлению к Главной улице медленно полз шикарный синий лимузин. Сам мистер Блифил-Гордон, владелец сахароваренного завода, просунувшись в переднее окно, сиял черноволосой глянцево́й головкой, на удивление дурно подходившей к его песочному костюму из харрис-твида. Вместо того чтоб по обыкновению не заметить Дороти, он вдруг послал ей нежную, едва ли не любовную улыбку. С ним ехали его старший двадцатилетний сын Ральф (или, как выговаривали все в семействе Блифилов, «Уальф») – юноша томный, склонный к сочинению верлибров а-ля Элиот, а также две дочери лорда Покторна. И все они, даже дочери лорда, цвели любезнейшими улыбками. Дороти поразились: годами ни одна из этих важных особ не удостоивала ее при встрече даже легким кивком.

– Сегодня мистер Блифил-Гордон настроен очень приветливо, – отметила Дороти.

– Так точно, мисс. Голову об заклад, он нынче будет куда уж как приветлив. Голосовать парламент в ту неделю, так они тебе пока будут из меда с маслом, только после враз забудут, как сроду не видали.

– А-а, выборы, – проронила Дороти безучастно. Все удаленные от приходских забот предметы виделись ей туманно, и она не особенно понимала, чем, собственно, либералы от-

личаются от консерваторов или социалисты от коммунистов.

– Хорошо, Прогетт, – сказала она, сразу забыв про выборы ввиду действительно насущных забот, – я еще раз объясню папе, насколько все серьезно с колоколами. Думаю, лучшее, что можно предпринять, – устроить специальную подписку. Кто знает, вдруг и наберется фунтов пять. И даже десять! Вам не кажется, что, если пойти к мисс Мэйфилл и попросить ее начать подписку с пяти фунтов, она вполне может их дать?

– Поверьте на слово, мисс, вы не говорите чего такого *самой* мисс Мэйфилл. Она насмерть перепугается, и, как узнает, что с колокольной ненадежно, нам уж ее обратно в церковь нипочем не загнать.

– О Господи! Наверное, вы правы, не стоит.

– Не, мисс. Ниче с *нее* не выжмешь – старая...

Снова похожее на привидение «с-с» скользнуло было из уст Прогетта, но так как он заметно успокоился после очередного донесения об угрожающей позиции колоколов, то лишь поднес руку к фуражке и зашагал прочь, а Дороти покатила дальше, и в голове ее проблемы семейных и церковных счетов-долгов перемежались наподобие двойных рефренов старинных пасторальных песен.

Водянистое солнце, выглянув, вдруг с апрельской резвостью заиграло среди лохматых облачков и ярким косым лучом стерло все тени на правой стороне фасадов Главной улицы. Как идилличны эти милые сонные улицы в глазах заез-

жих визитеров! Не таковы они, однако, для жителей, у кого тут за каждой дверью недруг или кредитор. Единственными в совершенстве уродливыми зданиями были разделанный в средневековом духе «Старинный чай» (по белой гипсовой обмазке сетка темных накладных брусьев, фальшивые круглые окна, кудрявая, как у китайских пагод, крыша) и новенькая, совершенно античная, почта с частоколом гладких дорических колонн. Ярдов через двести улицу прерывала крохотная базарная площадь, украшенная опочившим ржавым насосом и парой сгнивших арестантских колодок. Окнами на насос, друг против друга стояли центральный трактир «Пес и бутылка» и уже упомянутый Клуб консерваторов. Замыкала перспективу, пронизывая всю улицу страхом и ужасом, мясная лавка Каргила.

Дороти свернула за угол – шум, гам, патриотические кличи под рев тромбона, гремящего «Правь, Британия». Обычно тихо дремлющая улица клокотала густой массой людей, и из всех переулков спешило пополнение. Происходило нечто грандиозное. От чердака «Пса и бутылки» до лепного карниза Клуба консерваторов тянулась бахрама синих вымпелов, в середине которых висело огромное полотнище с воззванием: «За Блифил-Гордона и за Великую Империю!» Сюда, сквозь тесную толпу, на самой малой скорости двигался синий роскошный лимузин, и мистер Блифил-Гордон самолично сытой и сладостной улыбкой приветствовал сограждан, равно распределяя благосклонность напивавшим как слева,

так и справа. Перед капотом маршировали местные «Буйволы», ведомые не слишком крупным, зато необычайно доблестным вожатым, дующим в тромбон. Над отрядом вздымался еще один громадный транспарант:

Кто спасет Родину от Красных?

БЛИФИЛ-ГОРДОН!

Кто нальет Пиво в твою Кружку?

БЛИФИЛ-ГОРДОН!

С Блифил-Гордоном навсегда!

Из окна цитадели консерваторов реял многометровый «Юнион Джек», над стягом гордой империи сияли шесть пар пухлых пурпурных щек.

Катя велосипед и с замиранием сердца готовясь пройти мимо витрины Каргила (увы! никак иначе не добраться до лавки Солпайпа), Дороти была слишком погружена в свои тревоги, чтобы вникать в сюжет уличной демонстрации. Тем

временем машина Блифил-Гордона притормозила у «Старинного чая» – в атаку, кофейные гвардейцы! Казалось, добрая половина дам города, подхватив сумки и болонок, ринулась к лимузину и оцепила его, подобно жаждущим вакханкам подле колесницы пьянящего Диониса. В конце концов, где, кроме как на выборах, у вас свобода душевного общения с лучшими городскими джентльменами? Послышались восторженные возгласы: «Удачи, мистер Блифил-Гордон!», «Мы все *за вас*, вы непременно победите, дорогой мистер Блифил-Гордон!» Щедрость улыбок мистера Блифил-Гордона была поистине неиссякаемой, однако они тщательно распределялись по сортам. Массам преподносилась улыбка общая, слегка рассеянная – универсальная, кофейным дамам и патриотам-консерваторам презентовались персональные улыбки, а наиболее важных лиц молодой Уальф Блифил-Гордон изредка жаловал покачиванием вялой ладони и писклявым «всего ховошего!».

Дороти помертвела. Мясник Каргил, подобно остальным торговцам, торжественно встал на пороге своей лавки – долговязый, сверлящие глаза, фартук в синюю полосу, цвет до блеска выскобленного лица точь-в-точь кусок сырой, слегка перележавшей в его витрине говядины. Взгляд Дороти был так прикован к зловещей фигуре, что ничего другого она не видела и ткнулась в спину сходящего с тротуара высокого грузного господина. Дородный джентльмен обернулся.

– Силы небесные! Дороти! – воскликнул он.

– О, мистер Варбуртон! Вот удивительно! Вы знаете, я чувствовала, что сегодня встречу вас.

– «Заныли кости»⁸, надо полагать? – улыбнулся Варбуртон, расплываясь всем своим благодушным розовым лицом диккенсовского Микобера. – Ну как ты? А впрочем, к чему вопросы – вид у тебя как никогда обворожительный!

Комплимент был заверен щипком за голый локоть (дневное клетчатое платье Дороти имело короткие рукавчики). Поспешно отступив на безопасную дистанцию – она не выносила ни щипков, ни прочих «дерганий», – Дороти строго проговорила:

– *Пожалуйста*, не щиплите меня за локоть. Мне это не нравится.

– Но дорогая моя Дороти, кто из смертных способен устоять перед таким локотком, как у тебя? Видишь ли, существует сорт локотков, вызывающий необоримый щипательный рефлекс. Закон природы, понимаешь ли.

– Когда же вы вернулись в Найп-Хилл? – спросила Дороти, предусмотрительно загородившись велосипедом. – Я вас не видела больше двух месяцев.

– Явился я позавчера, но это мимолетное явление. Хочу перевезти в Бретань моих малюток, сопливцев моих *незаконных*, ну, ты знаешь.

При упоминании «незаконных» Дороти очень застенчи-

⁸ «У меня заныли кости. Значит, жди дурного гостя», – говорит ведьма в трагедии Шекспира «Макбет».

во и чуточку заносчиво потупилась. Мистер Варбуртон с его внебрачными чадами (коих насчитывалось трое) гремели одним из самых шумных городских скандалов.

Имевший независимый доход и называвший себя художником (он ежегодно сотворял около полудюжины посредственных пейзажей), Варбуртон появился в Найп-Хилле два года назад, купив здесь новенькую виллу недалеко от дома Ректора. Там он и поселился, вернее пребывал время от времени, открыто сожительствуя с женщиной, представленной им в качестве экономки. Недавно, еще не минуло и четырех месяцев, эта самая экономка, иностранка, по уверению некоторых – испанка, довела непристойность ситуации до апогея, внезапно бросив любовника; троих оставленных незаконных детишек родитель пристроил в Лондоне у какого-то многострадального дальнего родственника. Выглядел Варбуртон прекрасно, очень импозантно, хотя был совершенно лыс (крайне досадная и всеми способами маскируемая деталь), и умел так эффектно себя подать, что даже его изрядное брюшко казалось необходимым стильным дополнением к внушительному торсу. Лет ему было сорок восемь, из которых самым им признавалось сорок четыре. В Найп-Хилле он слыл «отпетым старым плутом». Молоденькие девушки его побаивались, и не без оснований.

Со вкусом разглагольствуя и очень естественно, «отчески», за плечи обняв Дороти, Варбуртон повел ее дальше через толпу. Тем временем автомобиль мистера Блифил-Гор-

дона, завершив триумфальный объезд насоса, направился обратно, все с той же свитой верных вакханок. Живописная сцена привлекла внимание Варбуртона, и он, прищурившись, остановился.

– Что означают эти гнусные шалости? – процедил он.

– О, они – как это называется? – ведут предвыборную агитацию. Наверное, стараются нас убедить голосовать за них.

– «Стараются нас убедить голосовать за них!» Услышьте, боги! – проворчал Варбуртон, вперившись в кортеж. Подняв увенчанную серебряным набалдашником трость, с которой он никогда не расставался, Варбуртон начал довольно экспансивно тыкать ею, указывая на различных персонажей: – Смотри! Ты только посмотри! Взгляни на эту стаю льстивых кикимор вокруг идиота, который скалится тут перед нами, как макака перед кульком орехов. Видела ты в своей жизни зрелище более отвратное?

– Пожалуйста, потише, – бормотала Дороти, – кто-нибудь непременно услышит...

– Прекрасно! – взревел Варбуртон, тут же повысив голос. – Бесподобно! У такого шелудивого отродья хватает наглости воображать, что он нас осчастливил демонстрацией своей фальшивой челюсти! Приличный костюм на нем – уже обида человечеству! Есть кандидат социалистов? Если есть, обязательно за него проголосую!

Стайка зевак жадно тарасилась. Дороти увидела, как мистер Твисс, сухонький и тщедушный москательщик, злорад-

но высунул темную черепашую головку из-под развешенных в проеме лавки корзин. Мистер Твисс хорошо расслышал «социалистов» и цепко зарегистрировал в уме: Варбуртон – агитатор красных, Дороти – рьяная приспешница.

– К сожалению, мне пора идти, – заторопилась Дороти в предчувствии, что Варбуртон наговорит вещей и более шокирующих. – Мне еще столько, столько надо всего купить. Поэтому я сейчас попрощаюсь...

– О нет, – весело перебил Варбуртон, – ты ничего подобного не сделаешь. Ни звука о прощании, дорогая! Я иду вместе с тобой.

Она катила свой велосипед, а он молодежато шагал рядом, выпятив широченную грудь, зажав под мышкой трость и продолжая без умолку ораторствовать. Избавиться от Варбуртона было непросто, и хотя Дороти считала его другом, но иногда – поскольку он являлся местной скандальной знаменитостью, а она – дочерью священника – ей бы хотелось, чтобы он выбирал для разговоров с нею не самые публичные места. Сейчас, однако, она в душе благодарила за эскорт, значительно ослабивший ужас прохода мимо мясной лавки. Каргил все еще оставался на пороге и исподлобья давил ее косым тяжелым взглядом.

– Весьма удачно, что мы с тобой встретились, – продолжал Варбуртон, – вообще-то я как раз тебя искал. Кто, догадайся, сегодня ужинает у меня? А? Бьюли – Рональд Бьюли! Ты, разумеется, наслышана о нем?

– О Бьюли? Н-нет, мне кажется, не слышала. А кто это?

– Черт возьми! Рональд Бьюли, знаменитый романист, автор «Тихого омута и одалисок». Да неужели ты не прочла «Тихий омут»?

– Боюсь, что не читала. Кажется, я даже названия не знаю.

– Ну Дороти! Нельзя же, моя дорогая, так опускаться. Тебе надо немедленно прочесть изумительный «Тихий омут». Высокого класса вещица, поверь мне, тончайшая эротика, остро, свежо! Именно то, в чем ты нуждаешься, чтобы стряхнуть с себя сладенькую цветочную пыльцу примерной девочки.

– Я ведь просила вас не говорить мне ничего подобного! – сказала Дороти, смущенно отворачиваясь и тут же снова повернувшись, поскольку взгляд ее едва не пересекся с упорным взглядом Каргила. – Где же сейчас этот ваш мистер Бьюли? Разве он здесь живет?

– Нет, он приедет ко мне поужинать из Ипсвича и, вероятно, переночует. Вот потому-то я разыскивал тебя: подумал, ты, наверное, захочешь с ним познакомиться. Так как насчет сегодняшнего ужина? Прибудешь?

– К ужину совершенно невозможно, – сказала Дороти. – Я должна присмотреть за папиным столом и переделать еще тысячу дел. Раньше восьми никак не получится.

– Что ж, приходи попозже. Хотелось бы представить тебе Бьюли. Забавный парень – абсолютно *au fait*⁹, до тонкостей

⁹ В курсе всего (*фр.*).

осведомлен обо всем тайном и явном в Блумсбери¹⁰. Он тебя развлечет. А заодно полезно тебе будет на пару часиков сбежать из своего церковного курятника.

Дороти колебалась. Искушение было велико. Сказать по правде, ей нравились ее нечастые визиты в дом Варбуртона, страшно нравились. Но, разумеется, визиты очень редкие, всего раза четыре в год, ибо нельзя было свободнее общаться с подобным человеком. И если она все же позволяла себе принять его очередное приглашение, то с непременными предосторожностями, всегда заранее удостоверившись в присутствии еще хотя бы одного гостя.

Когда Варбуртон только приехал в Найп-Хилл (и рекомендовался всем вдовцом с двумя детьми, пока в довольно скором времени у экономки среди ночи вдруг не родился третий), Дороти познакомилась с ним на обычном званом чаепитии, после чего сочла соседским долгом сделать визит. Мистер Варбуртон устроил для гостьи восхитительный ранний ужин, живо и остроумно беседовал о новостях литературы, потом непринужденно сел рядом на диван и начал ухаживать – яростно, непристойно, безобразно, даже грубо. Это было почти что настоящим изнасилованием. Дороти испытала смертельный ужас; впрочем, не до конца смертельный, поскольку могла сопротивляться. Так и не сдавшись, она укрылась на дальнем конце дивана, ошеломленная, дрожащая, до слез испуганная. Варбуртон при этом не выказал ни капель-

¹⁰ Квартал лондонской артистической богемы.

ки стыда и даже как будто посвежел, словно от маленького развлечения.

– Как вы могли, как вы могли? – с укором всхлипывала Дороти.

– Выяснилось, однако, что не смог, – уточнил Варбуртон.

– Как вы могли быть таким зверем?

– *Таким?* Легко и просто, мой дружок, легко и просто.

Вот доживешь до моих лет, сама узнаешь.

Несмотря на столь неблагоприятное вступление, знакомство быстро укрепилось до степени настолько дружеской, что относительно этого начали «ходить толки». В Найп-Хилле для возникновения «толков» немного требовалось. Дороти уважала правила, бывала у соседа крайне редко и тщательно заботилась о том, чтоб не остаться с ним наедине, а он все же изыскивал возможности продемонстрировать галантное внимание, которое теперь, надо отметить, носило характер самый джентльменский. Огорчительный инцидент не повторился. Впоследствии, будучи уже полностью прощенным, Варбуртон объяснил Дороти, что всегда «пробовал этот номер» с каждой знакомой дамой.

– Должно быть, пережили немало неудач? – не удержавшись, съязвила Дороти.

– О, еще сколько! – согласился Варбуртон. – Но и удач, ты знаешь, случилось предостаточно.

Окружающих удивляло, чем такой девушке, как Дороти, могли, пусть даже очень изредка, быть интересны встречи

с подобным субъектом. Но ничего тут странного: извечное влечение набожных и невинных к распутникам и богохульникам. Закон жизни – достаточно взглянуть вокруг. Все, абсолютно все лучшие сцены порока и разврата созданы авторами, праведно верующими или столь же благочестиво не верующими.

Не стоит также забывать, что Дороти, дитя двадцатого столетия, считала хорошим тоном как можно безмятежнее выслушивать кощунства Варбуртона (сама судьба повелевает тешить лукавых грешников смятением простаков). Кроме того, она к нему душевно привязалась. Он постоянно дразнил и огорчал, но от него единственного шло какое-то сочувственное понимание. Так что насквозь испорченный, беспутный Варбуртон был положительно мил и его мишурное острословие – шесть унций воды на одну унцию Оскара Уайльда – неискушенную Дороти и шокировало, и пленяло. Сейчас к магическому обаянию добавилась заманчивая, что ни говори, возможность вблизи увидеть прославленного Бьюли. Хотя, конечно, «Тихий омут и одалиски» наверняка принадлежал к тому сорту романов, которые Дороти либо не разрешала себе читать, либо читала, оплачивая любопытство набором тяжелых добровольных епитимий. Но ведь Найп-Хилл не Лондон, где просто улицу не перейдешь, не встретив сотню писателей; у обитателей местечек вроде Найп-Хилла совсем другая жизнь.

– *Уверены* ли вы в приезде мистера Бьюли? – спросила

Дороти.

– Уверен абсолютно. И супруга наверняка прикатит, не позабыв, естественно, подружку-компаньонку. Чопорный светский вечерок, никаких Лукреций и Тарквиниев¹¹.

– Спасибо, – наконец кивнула Дороти, – большое спасибо. Я приду так примерно в половине девятого.

– Ну и отлично. Чем раньше сумеешь вырваться, тем лучше. Помни: моя ближайшая соседка – миссис Семприлл. Можно твердо рассчитывать, что она будет *qui vive*¹², лишь отыграют вечернюю зарю.

Особа, упомянутая Варбуртоном, являлась выдающейся, первейшей сплетницей города. Достигнув цели (он неустанно зазывал Дороти в гости), Варбуртон мягко пророкотал «*au revoir*» и предоставил Дороти держать дальнейший путь за покупками самостоятельно.

В полутьме мануфактурной лавки Солпайпа, как только Дороти взяла свой сверток, ровно два с половиной ярда на угловое окно, под самым ухом у нее зашелестел печальный голос – миссис Семприлл! Некое сходство с моделями Ван-Дейка: изящная, худощавая фигурка, оливковое остренькое личико, блеск гладких темных волос, покойная меланхоличность. Тихая миссис Семприлл уже успела, окопавшись возле витрины за грудой кретоновых рулонов, подробно высле-

¹¹ *Лукреция* — легендарная древнеримская героиня, обесчещенная сыном царя Тарквиния Гордого и лишившая себя жизни.

¹² Начеку (*фр.*).

дить беседу Дороти с мистером Варбуртоном. Любое действие, если ему сопутствовала не слишком сильная нужда в дотошном наблюдении миссис Семприлл, было наивернейшей гарантией ее присутствия. По-видимому, от предков – аравийских джиннов – она наследовала этот дар моментально возникать из воздуха именно там, где ее меньше всего хотели видеть. Никакой опрометчивый поступок, даже в масштабе микроскопическом, не мог избежать ее бдительности. Варбуртон говорил, что в ней досрочно воплотились четыре зверя Апокалипсиса: «Те самые, которые ”денно и ночью бдящи“, ”исполнены очей спереди и сзади“ и даже, как помнится, ”внутри“».

– О, Дороти, *дорогуша*, – минорный кроткий шепот миссис Семприлл истекал нежностью, предваряющей скорбное известие, – мне очень *нужно* рассказать вам кое-что. *Ужасный* случай, потрясающий, кошмарный!

– Какой же? – смирилась Дороти в унылом ожидании вполне определенной информации (тема у миссис Семприлл всегда была одна).

Они вместе вышли из магазина и двинулись вдоль улицы: Дороти рядом с велосипедом, а миссис Семприлл вплотную рядом с Дороти, семена легкой птичкой, дыша в ухо все жарче по мере сообщения все более интимных деталей.

– Быть может, вы случайно заметили ту девушку, которая в церкви всегда садится с краю, у самого органа? Довольно *миленькая*, *рыженькая*? Я ведь и знать не знаю никого, –

добавила со вздохом миссис Семприлл, зная поименно всех жителей Найп-Хилла, включая грудных младенцев.

– Молли Фриман, – сказала Дороти. – Племянница зеленщика Фримана.

– Ах вот как, Молли Фриман? Так ее зовут? А мне все думалось, кто же она. Знаете ли...

Скорбящий голос упал до драматического шепота, узенький алый ротик почти впился в ушную раковину Дороти. Потoki грязи затопили Молли Фриман и шестерых парней с сахарного завода. Минутой позже рассказ достиг такого густого зловония, что Дороти, запыхав, резко вскинула голову и остановилась.

– Я не хочу слушать такие вещи! – заявила она. – Я знаю, все это неправда про Молли Фриман. Этого просто не может быть! Молли очень скромная девушка, она была одной из лучших в моем отряде скаутов и всегда так охотно помогает с базарами и всем другим. И никогда бы она не сделала того, о чем вы говорите.

– Но Дороти, *дорогуша!* Я сообщаю вам лишь то, что видела своими собственными бедными глазами...

– Пускай! И все равно несправедливо так говорить о людях. И даже если бы тут была правда, не стоило бы говорить. В мире хватает зла и без того, чтобы его еще выискивать.

– *«Выискивать!»* — с новым горестным вздохом повторила миссис Семприлл. – О дорогая Дороти, будто кому-то хочется искать! Увы, есть люди, которые обречены видеть одо-

левающее горю греховное бесстыдство.

Миссис Семприлл чистосердечно удивлялась, когда ее видели в *поисках* скандалов. Ничто, утверждала она, не было для нее больнее зрелища пороков человеческих, однако скверна просто кишела вокруг, отовсюду представляя ее страдающим очам, а чувство нравственного долга не позволяло молчать о виденном. Вот и теперь укоры Дороти отнюдь не побудили ее умолкнуть, но навели на монолог об общем разложении Найп-Хилла, где страшное падение Молли Фриман служило лишь очередным примером. Так что от Молли Фриман с шестеркой развратных кавалеров она плавно переместилась к офицеру медицинской службы доктору Гейторну, сделавшему двум сестрам Коттедж-госпиталя по ребеночку, затем к жене секретаря мэрии миссис Корн, любившей употреблять одеколон не ради аромата и найденной на поле мертвецки пьяной, потом к викарию миллборской церкви Святого Уэдекинда, запутавшемуся в скверной истории с мальчиком-певчим... И все это тянулось, цеплялось и нанизывалось, поскольку вряд ли где-нибудь в округе жила душа, на дне которой зоркая миссис Семприлл не обнаружила бы свой гнойник. Количество тайных грехов определялось исключительно терпением слушателя.

Примечательно также, что помимо обычной грязи у сплетен миссис Семприлл почти всегда имелся оттенок неких безобразных извращений. На фоне заурядных местных кукушек она, можно сказать, была Фрейдом в сравнении с Бок-

каччо. Рассказы ее создавали впечатление, что Найп-Хилл с его парой тысяч жителей по части сладострастной утонченности заметно превзошел сумму пороков Содома, Гоморры и Буэнос-Айреса. Выслушивая повесть об обитателях этого града греха – от директора банка, транжирящего сбережения клиентов на вторую свою семью с любовницей, до барменши «Пса и бутылки», порхающей между столами в экстравагантном наряде всего лишь из черных атласных туфель на высоченных каблуках; от старенькой учительницы музыки мисс Ченнон, которая, перетрудившись над гаммами, попеременно освежает себя припрятанной бутылочкой или кропанием анонимок, до юной дочки булочника Мэгги Уайт, успешно народившей троих ребятишек родному братцу, – рассматривая всех этих людей, старых и молодых, богатых, бедных, дружно погрязших в чудовищном и изощренном зле, действительно лишь оставалось удивляться, почему медлит, не рушится с небес пламень, дотла испепеляющий. Но мало-помалу каталог городских непристойностей делался монотонным и, наконец, невыносимо скучным. Ведь там, где весь народ из педерастов, двоеженцев и наркоманов, самое жгучее обличение теряет жало. В сущности, миссис Семприлл была хуже, чем пакостная сплетница, – она была занудой.

Что же касается правдивости ее сенсаций, то степень достоверности бывала разной. Порой миссис Семприлл оказывалась вредоносной старой крысой, попросту сочинившей клевету, а иногда и впрямь разоблачала какого-нибудь бе-

долагу, которому потом годами приходилось отмываться. Во всяком случае, она активно поспособствовала разрыву нескольких помолвок и устроению неисчислимых семейных ссор.

Дороти безуспешно пыталась отделаться от миссис Семприлл: переходила улицу, катила велосипед по встречной стороне дороги – спутница верно шла за ней, не прекращая нашептывать. Так продолжалось, пока они не добрались до конца Главной улицы и Дороти не накопила мужества для побега. Она решительно поставила правую ногу на педаль:

– Больше нет ни секунды, впереди тысяча дел, уже страшно опаздываю.

– Как? Дороти, дорогая! Я же должна еще кое-что рассказать, нечто *необычайно важное!*

– Простите, но ужасно тороплюсь. Как-нибудь в другой раз.

– Новость об этом *кошмарном* мистере Варбуртоне, – затараторила миссис Семприлл, спеша договорить, пока Дороти не удрала. – Он вчера возвратился из Лондона, и представьте, я *именно вам* хотела сообщить, у него...

Дороти поняла, что бежать надо мгновенно, любой ценой. Ничего более стеснительного, чем обсуждение Варбуртона с миссис Семприлл, быть не могло. Бросив на лету «простите, в самом деле ни секунды!», вскочила на велосипед и резко тронулась с места.

– У него завелась новая женщина! – выкрикнула вдогонку

миссис Семприлл, позабыв свой стыдливый шепот от жажды во что бы то ни стало донести пикантное известие.

Но Дороти быстро свернула за угол, не оглянувшись, притворившись, что не слышала. Поступок неблагоразумный, не следовало откровенно обрывать миссис Семприлл. Нежелание слушать ее сплетни воспринималось этой дамой как знак глубокой развращенности, мгновенно вызывая потоки свежих обличений.

На пути к дому Дороти кипела весьма недобрыми мыслями относительно миссис Семприлл, за что по справедливости свирепо себя ущипнула. И еще одна мысль, возникшая почему-то только сейчас, встревожила ее: ведь миссис Семприлл обязательно узнает про предстоящий вечером визит к Варбуртону и, уж конечно, раздует это в кошмарное событие. Томимая дурным предчувствием, Дороти спрыгнула с велосипеда перед своей калиткой, возле которой Полоумный Джек (убогий местный дурачок с рябой и красной, как конус спелой земляники, физиономией) стегал ограду гибким ореховым прутом.

До полудня оставалось чуть меньше часа. День, утром походивший на вдову, в страстных надеждах доказать еще апрельскую игривость, теперь признал, что уже август, и начал наливаться жаром.

Дороти направлялась в деревушку Феннелвик, в миле от Найп-Хилла: необходимо было завезти мозольный пластырь миссис Льюин и передать страдающей от ревматизма миссис Пифер записку в «Дейли Мэйл», где рекомендовался невероятно целебный чай из дягиля. Солнце с безоблачного неба жгло спину сквозь клетчатое штапельное платье, дорога впереди дрожала пыльным маревом, над плоскими нагретыми лугами однообразно свистели забывшие про конец лета жаворонки, трава сверкала такой зеленью, что резало глаза. Короче, денек «изумительный», как говорят все те, кому в подобные деньки нет надобности загружать себя работой.

Поставив свой велосипед к воротам Пиферов, Дороти принялась вытирать носовым платком вспотевшие от руля руки. Осунувшееся лицо горело пятнами. Сейчас, при резком дневном свете, ей вполне можно было дать ее истинный возраст и даже более того. В течение дня (а дни эти обычно продолжались часов семнадцать) Дороти несколько раз ощущала фазы упадка и подъема сил; время утренней серии обходов являлось как раз периодом усталости.

Эти «обходы», точнее «объезды», совершаемые на дряхлом велосипеде, ввиду дальности расстояний съедали у нее почти полдня. Каждый день, кроме воскресений, она ездила навещать от полудюжины до дюжины их прихожан. Входила в тесные домишки, садилась на пылящие трухой «мягкие», то есть набитые черствыми комьями, стулья и вела беседы с измотанными, растрепанными хозяйками. Старалась с пользой употребить торопливые «полчасика»: помочь в штопке или утюжке, почитать главку из Евангелия, поставить компресс на «дюже изболевшие» суставы, посочувствовать беременным, которым с утра совсем невмоготу. Устраивала скачки на палочках-лошадках для малышей, пахнущих едкой кислоткой и беспрепятственно мусолящих ей платье пухлыми липкими ладошками, давала советы по уходу за захиревшим фикусом, придумывала имена для новорожденных. И всегда соглашалась «попить чайку», пила его пинтами и галлонами, так как простые женщины всегда хотели угостить ее этим «чайком», имевшим вкус и аромат добротного распаренного веника.

Плоды трудов по большей части обескураживали. Казалось, лишь у немногих, очень немногих подопечных было какое-то понятие о христианской жизни, которую Дороти изо всех сил стремилась им наладить. Одни хозяйки держались замкнуто и подозрительно, придумывали отговорки, когда она их убеждала ходить к причастию. Другие льстиво притворялись святошами ради грошовых подачек из скудной

церковной кассы. А встречавшие с удовольствием, главным образом, радостно приветствовали в ее лице аудиторию, всегда согласную покорно слушать жалобы на «делишки» плохих мужей, жуткие истории об умерших («Дохтора ему прям в жилы этих штеклянных трубок навтыкали») и перечни бесчисленных, крайне неаппетитных, болячек бесчисленной родни.

Добрая половина женщин из списка ее обходов выказывала удручающий, необъяснимо стойкий атеизм.

Она все время наталкивалась на это, присущее невежественным людям, глухое и невнятное неверие, против которого бессильны аргументы; как она ни напрягалась, число строго и регулярно причащающихся ни разу не дошло до полной дюжины. Женщины обещали причащаться, держали слово месяц-два и навсегда пропадали. Самыми безнадежными были самые молодые. Их даже не получалось привлечь в местные филиалы церковных лиг, как раз для них организованных (Дороти несла нагрузку ответственного секретаря в трех таких лигах, будучи еще капитаном отряда девочек-скаутов). Когорта Светлых Чаяний и Круг Супружеского Счастья чахли в почти абсолютном безлюдье, функционировали только Дружные Матери, ценившие на вечерах коллективного рукоделия возможность посудачить, а также крепкий чай в неограниченных количествах. Да, результаты работы не вдохновляли. Порой усилия казались ей настолько тщетными, что выручало лишь знание подоплеки чувства

тщеты и уныния – коварнейшего наущения Дьявола.

Дороти постучала в перекошенную дверь, из-под которой тоскливо сочился пар от варившейся капусты и грязной мыльной пены. Для Дороти коттеджи уже издали различались по запахам. Запахи бывали донельзя странными. Например, дикий, соленый дух крепко шибал от жилища старого мистера Тумза, бывшего букиниста. Хозяина, дни напролет лежавшего на койке в комнате с занавешенными окнами и выставявшего лишь стеклышки пенсне и длинный пыльный нос над тем, что поначалу казалось меховой, огромной и роскошной, накидкой, но от малейшего прикосновения лопалось, разбегаясь во все стороны табуном кошек. Двадцати четырех, если соблюдать точность, кошек, державшихся, по объяснению владельца, «в целях локальносогревательных». Общим главным ингредиентом ароматических коктейлей был запах помоев и старого тряпья, добавки по вкусу и возможностям обитателей: миазмы клозетной ямы, острый детский запах, парной дух капустной похлебки, отдающая копченой свиной вонь от рабочих плисовых костюмов, годами впитывавших пот.

Дверь Пиферов вечно цеплялась за косяк и при попытках отворить ее рывком угрожающе сотрясла всю постройку. Наконец на пороге появилась миссис Пифер, очень высокая, очень сутулая, вся серая, от жиденьких седых волос до фартука из мешковины и стоптанных суконных шлепанцев.

– Ох, я не я, коли это не милушка мисс Дороти! – Го-

лос, тоскливый и безжизненный, выражал тем не менее явную симпатию.

Хозяйка обняла Дороти старческими шишковатыми руками (от непрерывной возни с водой суставы стали похожи на гладкие белые луковицы) и сочно ее поцеловала. Затем повела внутрь старого, захламленного дома.

– Пифер-то мой в работу пошел, мисс, – уведомила она. – Нынче-то он доктору Гейторну копает, клумбы ему выделяет.

Мистера Пифера нанимали садовником. Старики Пиферы, и мужу и жене было за семьдесят, значились в списке Дороти среди немногих подлинно благочестивых семейных пар. Жизнь самой миссис Пифер однообразием роднилась с деятельностью земляного червя: от зари до зари, с вечно согнутой и сведенной шеей – низкие притолоки не соответствовали ее росту, она шаркала взад-вперед между колодецем, раковиной, очагом и жалким огородиком. В кухне, довольно чисто прибранной, однако насквозь пропахшей всякой помойной дрянью и неистребимой пыльной ветхостью, было невыносимо душно. Напротив очага располагалось специальное молитвенное место, устроенное миссис Пифер из сального тряпичного половичка подле останков крошечной фисгармонии, которая в роли пюпитра демонстрировала литографское изображение сцены распятия, бисером вышитое изречение «Взирайте и Молитесь!» и фотографию супругов Пифер, отснятую в день бракосочетания в 1882 году.

– Бедняга Пифер! – тягуче изливала жалобы хозяйка. – Ему ль с его годами рыть да копать, когда у его ревматизм уж таков плох! Вон вы скажите, каково это жестоко, а, мисс? А теперь промеж ног у его пошли боли, мисс, и каки-таки боли, толком сказать не говорит, но очень, видать, худо ему, в особенность последни утры. Вон вы скажите, мисс, не так ли тяжка-то у нас, простого люда, доля-то наша?

– Конечно, – сказала Дороти, – мне очень жаль. Но я надеюсь, сами вы, миссис Пифер, сегодня чувствуете себя немного лучше?

– А-а, мисс, уж мне-то нипочем лучше не станет. Не стану я здоровше в этом мире, где толечко одна грешность да злобность, не тут уж я стану здоровше.

– О, миссис Пифер, не надо так говорить! Я верю, вы еще надолго останетесь здесь, с нами.

– А-а, мисс, не знамо вам, какая хворость во мне во всю неделю! Прямо до кости ноженьки назади крутило, прямо к огороду не доползть, лучку пучочек не нарвать. Ох, мисс, и тяжкий этот мир, куда нас послано за грехи наши.

– Вы правы, миссис Пифер, нас ждет лучший и вечный мир, а в этом лишь время испытаний духа, чтобы научиться терпению прежде, чем Небеса нас примут.

Внезапно миссис Пифер преобразилась – она услышала про «Небеса». Умея говорить всего о двух вещах: нынешних тяжких мучениях и грядущих небесных радостях, старая миссис Пифер откликнулась на сентенцию Дороти, как

на магический призыв. Давно потухшие глаза светиться уже не умели, но в голосе затрепетали живые, чуть ли не восторженные нотки:

– Вот, мисс! Как в точности вы это мне сказали! Верное ваше слово, мисс! Мы с моим Пифером вот тоже так толкуем. Этим одним и живы, что будут нам Небеса и отдых, отдых на Небесах навечный. Пускай уж тута мы маленько пострадаем, а там-то нам заплатится в сто, в тыщу раз поболе. Ведь так оно, мисс? Станем все отдыхать на небе – прямо один покой да отдых и нисколечко ни ревматизмов, ни лопа-той махать, ни стирки, ни стряпни, навовсе уж ничего тако-го. Вы ведь, мисс Дороти, взаправду верите, что так, а?

– Да, конечно, – сказала Дороти.

– А-ах, мисс, кабы вы знали, какое это нам утешение дум-ать про Небеса! Пифер мой возвратится к вечеру, сам еле жив и с ревматизма прям скрутит нас. «Ничего, – говорит мне, – милочка моя, зато уж Небеса к нам близко». Говорит: «Небеса, они для нашего брата и сотворены, для бедняков только, которы работали, в трезвости были да каждое при-частие блюли». Это ведь самое что наилучшее, мисс Дороти, когда при этой жизни бедно, а после уж богатыми? Не то что богачам, которым нынче и дом хороший, и автомобиль всякий, а после-то спасения нету от червя вечного сосущего, пламени жгучего, неугасимого. Уж как все это говорится по-церковному! Давайте-ка, мисс Дороти, если желаете, помол-имся с вами про это? Я прям с утречка дожидаясь малень-

ко помолиться!

Миссис Пифер в любой час дня и ночи с готовностью ждала «маленько помолиться» – ее личный эквивалент «попить чайку». Коленьями став на тряпичный коврик, они вдвоем прочли и «Отче наш», и краткую недельную молитву. Затем Дороти вслух читала притчу о кинutom в ад богаче и взятом на небо нищем Лазаре, а миссис Пифер поминутно ликующе вставляла: «Аминь! Верное слово, а, мисс Дороти? И вознесен был ангелами в Авраама, в самое его лоно – красота-то ведь какая! Ну прям не знаю, какая ведь красота! Аминь, мисс Дороти! Аминь!»

Передав вырезку про чудо-чай из дягиля и найдя, что физически миссис Пифер «как-то не в форме», Дороти натаскала дневной трехведерный запас воды. Очень глубокий колодец Пиферов имел столь низкий бортик, что переход хозяйки в желанный лучший мир явно наметился именно здесь, в тот роковой час, когда миссис Пифер снова полезет за ведром (его просто, без блока, вытягивали на веревке) и свалится в темную бездну.

Потом они еще на несколько минут присели, и миссис Пифер еще немножечко поговорила о Небесах. Достоинo удивления, как властно, постоянно царили в ее думах Небеса, но совершенно изумляющей была реальность, с какой она их представляла. О золотых палатах, вратах жемчужных она рассказывала ярко, будто впрямь на них смотрела, и острота этого зрения простиралась до самых четких, конкрет-

ных подробностей. Перины пуховые, ни перышка! Еда сладкая-сладкая! Одежда шелковая, дорогая, каждое утро стиральная! Работы, даже самой малой, нисколько, никогда!

Мечты о райском житье за гробом пронизывали каждый миг существования, так что униженные жалобы на долю «простого люда» неким образом уравнивались верой в закон, согласно которому исключительно за «простым людом» закреплены права на расселение в полях блаженства. Словно у миссис Пифер был страховой полис о возмещении жизни, потерянной в безвылазных трудах, суммой грядущих вечных радостей. Вера ее была, если можно так выразиться, чуточку слишком велика. Странно, конечно, но от уверенности миссис Пифер в яви Небес, куда она жаждала переехать, как в дивный санаторий для безнадежных хроников, в Дороти возникало необъяснимое смущение.

Дороти собиралась уходить, а миссис Пифер провожала ее горячими благодарностями, заканчивая, как всегда, свежими сводками о ревматизме.

– Уж чаю дягильного обязательно напьюсь, – говорила она, – и спасибочки, мисс, что сказали, хоть и не будет мне с его пользы ничегошеньки. А каков, знать-то вам, был всю неделю мой ревматизм-то! Так и охаживал назади ног каленой кочергой, а мне ж и не достать в то место, не растереться ж даже там. Уж знаю, мисс, нельзя и спрашивать, но кабы вы меня чуток потеряли? Примочка-то вон у меня готовая, под раковиной.

Незаметно для миссис Пифер Дороти жесточайшим образом себя щипнула. Она ждала этой финальной просьбы, так как проделывала процедуру многократно, но ей ужасно не хотелось растирать ноги миссис Пифер. «Стыдитесь, Дороти! – одернула она гордыню. – Не фыркайте! *Должны мыть ноги друг другу (Иоанн, 13:4)*».

– Конечно, миссис Пифер, с огромным удовольствием, – поспешно согласилась Дороти.

По шаткой лесенке, имевшей хитрый поворот, где надо было сгибаться пополам, они вскарабкались наверх. Свет в спальню проникал через оконце, давно наглухо запертое, ибо раму еще лет двадцать назад снаружи заклинило плющом. Посреди комнаты, вернее во всю ширь, раскинулось супружеское ложе с вечно сырыми простынями и тюфяком, в котором твердые комья оческов сбились топографическим макетом гор Швейцарии. Хозяйка, беспрерывно охая, залезла на кровать, тяжело распростерлась лицом вниз. От камина несло мочой и болеутоляющим лекарством. Взболтав бутылку «примочек Эллимана», Дороти тщательно растерла крупные, оплетенные серыми венами дряблые ноги миссис Пифер.

На улице дышалось, как в раскаленной духовке; Дороти мигом оседлала велосипед – теперь домой. Солнце палило прямо в лицо, но воздух казался сладостным и свежим – счастье, счастье! Безумная радость всегда охватывала ее по окончании «обходов», и, сколь ни удивительно, сама она не

догадывалась о причине. Возле фермы Борлейза рыжие размлевшие коровы тонули в море сочной сверкающей травы, ноздри щекотал доносящийся от стада чистейший аромат свежего сена и ванили. И хотя утренние дела были исполнены всего наполовину, Дороти не смогла себя перебороть: минуто, не слезая с велосипеда, помедлила у луговой калитки, пока корова, почесываясь о воротный столбик и вытянув две нежно-розовые раковины влажного носа, мечтательно глядела на нее.

За живой изгородью Дороти заметила уже отцветшие веточки то ли дикой розы, то ли шиповника и, дабы уточнить растение, перемахнула через калитку. В чашу разросшихся под кустами сорняков пришлось влезть на коленях. Над почвой, у корней, томился пряный густой жар. В уши билось жужжание невидимых бесчисленных насекомых, от ворохов скошенной зелени струилась, окутывая тело, горячая парная пелена. Рядом тянулись вверх тростинки дикого укропа с пышными изумрудными султанами. Дороти подтянула к лицу укропную метелку и глубоко вдохнула – сладкий запах ударил с такой силой, что на мгновение закружилась голова. А она продолжала вдыхать, всей грудью впитывать волшебное благоухание лета и радостного детства, аромат чуждальных островов в пене лазурных южных морей.

И вдруг душа возликовала. Это был тот блаженный восторг жизни и красоты природы, в котором Дороти – не совсем, может быть, правомерно – узнавала Божью любовь. В

гуще пахучих жарких трав, под навевающее дрему жужжание мошек ей слышался могучий хор бесчисленных земных созданий, возносящих хвалу Творцу. Всякий листок и стебелек звенел, светился поющей радостью. Трели не различимых в выси жаворонков лились с неба тем же хоралом. Все изобилие лета, тепло земли, пение птиц, гудение пчел, парок над стадом – все сливалось и воскурялось над алтарем благодарения. И потому со ангелами, со архангелами! Дороти начала молиться, молилась восторженно, благоговейно, самозабвенно... Только минутой позже ей стало ясно, что со словами молитвы она целует все еще прижатую к лицу душистую укропную метелку.

Она мгновенно опомнилась, отпрянула. Что с ней? Небу она сейчас молилась или земле? Пылкий восторг угас, сменившись холодком неловкости, – она ошиблась, впала в полуязыческий экстаз. Последовало строгое внушение: «Впредь, Дороти, без этого! Ваше дикарство недопустимо!» Отец остерегал ее от поклонения природе, он не однажды говорил с амвона, что здесь лишь примитивный пантеизм и – это, казалось, его особенно сердило – глупое модное поветрие. Отломив шип от дикой розы, Дороти трижды уколола руку в знак напоминания о Святой Троице.

Из-за угла кустарниковой изгороди медленно выплывала загнутая совком черная шляпа. Патер Макгайр, духовный пастырь католиков, также использовал велосипед для визитов к прихожанам и, будучи мужчиной весьма тучным, по-

качивался, нависая над хрупким транспортом, как мячик на колышке для гольфа. Под пыльной шляпой лоснилось круглое лицо, румяное и плутоватое.

Дороти сразу сникла. Щеки ее порозовели, пальцы нервно и безотчетно стали нащупывать нательный крестик. Патер Макгайр ехал навстречу с видом полной, слегка насмешливой невозмутимости. Она попробовала улыбнуться, робко пролепетав: «Доброе утро». Но он неспешно крутил педали и даже глазом не повел; взгляд его проскользнул по лицу Дороти и далее, храня великолепную бесстрастность. Это был откровенный выпад. Напрямик. Дороти, к сожалению, не обладавшей ловкостью ответных резких ударов, осталось только сесть на велосипед и в продолжение всего пути усмирять вихрь недобрых мыслей, непременно вскипавших после встреч с патером Макгайром.

Лет пять назад, когда однажды патер Макгайр, в связи с отсутствием в Найп-Хилле кладбища для католиков, свершал погребальный обряд на погосте Святого Афельстайна, Ректор счел нужным вслух указать некую погрешность в траурном облачении аббата, после чего достопочтенные священники завели над открытой могилой позорный, безобразный диспут. С тех пор они друг с другом не разговаривали – наилучший исход, по мнению Ректора.

Что же касается других религиозных лидеров (мистера Варда из общины конгрегатов, пастора уэслианцев мистера Фоли, а также лысого, ослом ревущего пресвитера баптист-

ской молельни), то и намек на общение со «сворой темных сектантов» грозил Дороти крайним родительским неудовольствием.

Пробило полдень. В огромной полуразрушенной теплице, позеленевшие стекла которой от времени и грязи переливались тусклой радугой старинных грубых бокалов, шла – а вернее, с грохотом неслась – репетиция «Карла I». В сценическом действии Дороти не участвовала, она являлась неизменным (практически единственным) изготовителем костюмов для детских представлений. Спектаклем, от режиссуры до механики сценических трюков, руководил учитель церковной школы Виктор Стоун – Виктор, как называла Дороти своего коллегу и ровесника. Сейчас этот необычайно экспансивный постановщик, темноволосый, узкоплечий, затянутый в глухой сюртук на манер пасторского, свирепо махал трубочкой текста перед носами шестерых остолбеневших исполнителей. Еще четверо малолетних актеров сидели у стены на длинной лавке и упражнялись в «шумах за сценой», разнообразя звукоподражательный тренаж стычками над кульком «мятных прыгунчиков» по полпенни десяток.

Жуткую духоту пропитывали едкие пары расплавленного клея и взмокших ребятишек. Зажав во рту портновские булавки, Дороти торопливо ползала по полу, кромсая с помощью садовых ножниц лист бумаги на узенькие ленточки. Рядом кипела, пузырилась клееварка. Сзади на шатком, перемазанном чернилами столике громоздились части костюмов,

ключья пакли, стопа оберточной бумаги, швейная машинка, черепки сухого клея, открытые банки красок и деревянные мечи. Мозг Дороти наполовину занимался разгадкой края исторических ботфортов короля Карла и Оливера Кромвеля, наполовину внимал крикам Виктора, чей темперамент на репетиции всегда молниеносно взвивался до высших градусов. Нервозно бегая, изрыгая потоки речей в яростном вольном стиле и делая краткие передышки, чтобы, схватив деревянную рапиру, поразить воспитанника метким ударом, Виктор демонстрировал страсть прирожденного артиста, к тому же вконец истерзанного возней с тупицами.

– Ну выдави хоть каплю жизни! Шевелись! – орал он, тыча клинком в пузо смиренного теленка лет одиннадцати. – Не бубни! Говори по-человечески! Мямлишь, как труп через неделю после похорон. Что это за утробное бульканье? Встань и рявкни на него! Брось этот кислый, дохлый вид «второго убийцы»!

– Перси, иди сюда! Быстрее! – не выпуская булавки изо рта, позвала Дороти.

Она творила доспехи (самое трудное после кошмарных ботфортов) из упаковочной коричневой бумаги. Впрочем, благодаря длительной практике она умела сделать из клея и бумаги чуть ли не все; из этих материалов с добавлением выкрашенной пакли у нее даже неплохо получались пристроенные к бумажной круглой шапочке пышные парики. На покорение пакли, клея, марли и прочих подручных средств лю-

бительского театра тратилась колоссальная часть жизни Дороти. Такая горькая нужда грызла церковный фонд, что месяца не проходило без новой пьесы, или торжественной процессии, или живых картин (не говоря уж о благотворительных базарах и лотереях).

Едва кудрявый, как барашек, Перси Джаветт, сын кузнеца, сполз со скамейки и приблизился, Дороти сдернула со стола лист бумаги, примерила его к тоскливо ерзающей фигурке, прорезала дыру для головы, напялила на ребенка, сколола булавками – вчерне нагрудник уже наметился.

Вокруг бурлила смутная разноголосица.

ВИКТОР. Давай, давай! Входит Оливер Кромвель – это ты! Нет, не то! По-твоему, Кромвель вползал, как выпоротая дворняжка? Встань прямо. Выкати грудь! Брови сдвинь! Вот, уже получше. Ну, давай, – Кромвель: «Ни с места! У меня в руке пистолет!» Давай!

ДЕВОЧКА. Мисс, мама велела вам сказать, что мне надо сказать...

ДОРОТИ. Не вертись, Перси! Ради всего святого, не вертись!

КРОМВЕЛЬ. Не с месс... У мян в руке пстолет...

МАЛЫШКА СО СКАМЕЙКИ. Мистер учитель! У меня леденчик упал! (*Хнычет.*) Леде-е-енчик!

ВИКТОР. Нет, нет, нет, Томми! Не то, не то!

ДЕВОЧКА. Мисс, мама велела вам сказать, что мне надо

сказать, что она не пошила панталоны, что вы велели, потому что...

ДОРОТИ. Я проглочу булавку, если ты снова дернешься.

КРОМВЕЛЬ. Ни с места! У меня в руке пистолет!

МАЛЫШКА (*заливаясь слезами*). Леде-е-е-енчик!

Выхватив кисть из клееварки, Дороти с лихорадочной поспешностью принялась мазать надетый на Перси бумажный панцирь, налепливая вдоль и поперек узкие ленточки, предпочитавшие клеиться к пальцам. За пять минут прочнейшая, неуязвимая кираса была готова. «Закованный в звонкую сталь доспехов», Перси жалобно косил глазом на острый край бумаги под нежным подбородком, боялся шевельнуться и очень напоминал щенка, которого купают в тазике. Дороти лязгнула ножницами, с одного бока надрезала кирасу, поставила ее сушиться и тотчас занялась следующим ребенком. Внезапно грянул страшный гром – вступили «шумы за сценой»: ружейная пальба и топот конницы. По временам пальцы от клея намертво слипались, но рядом стояло ведро воды для отмывания рук, и латы ковались без передышки. Через двадцать минут уже стояли три полуготовые кирасы; их еще требовалось выкрасить серебрянкой, снабдить шнуровкой, а затем дополнить набедренниками, наколенниками и самой трудоемкой частью лат – шлемами. Размахивая шпагой и надсаживаясь, чтобы перекричать громоподобный стук копыт, Виктор попеременно играл Оливера Кромвеля, Кар-

ла I, пуритан, придворных кавалеров, крестьян и знатных леди. Дети тем временем все больше стали вертеться, зевать, капризничать, украдкой щипать друг друга. Используя паузу в сотворении доспехов, Дороти разгребла часть столика и уселась строчить «зеленый бархат» (выкрашенную зеленкой марлю, вполне, однако, эффектную с дальнего расстояния). Еще десять минут бешеной гонки. Лопнула нитка – Дороти чуть не чертыхнулась, сдержалась и поскорее вновь заправила иглу. Она сражалась со временем. До театральной премьеры две недели, а сделать надо невероятное количество всего: шлемы, камзолы, шпаги, ботфорты (о, эти грозящие тысячей трудностей ботфорты!), ножны, парики, шпоры, лес, трон – только от списка сердце переставало биться. И ведь родители учеников ей никогда не помогали; то есть они всегда сначала обещали, но потом как-то уклонялись. От духоты, а может, от усилий одновременно шить камзол и мысленно кроить проклятые ботфорты, голова Дороти раскалывалась. Даже померк, забылся долг в двадцать один фунт и семь шиллингов Каргилу. Весь ужас сосредоточился на жуткой громаде несшитых, несклеенных костюмов. Стиль ее напряженных дней: очередная вопиющая проблема (картонные доспехи, треснувшие полы на колокольне, счета торговцев, сорняки в горохе...) так изнуряла срочностью и тяжестью, что прочие заботы временно переставали существовать.

Виктор швырнул шпагу, раскрыл часы.

– Хватит! Конец! – гаркнул он лютым голосом (тональ-

ность, лежавшая в основе его педагогической методы). – До пятницы! Видеть вас больше не могу! Вытряхивайтесь!

Он проследил за убежавшими детьми и, позабыв про них, едва они скрылись из виду, вытащил из кармана нотный листок, глядя в который заметался по теплице перед довольно сухой, вернее совершенно засохшей, публикой в виде двух сиротливо пылившихся вазонов с обломанными ржавыми былинками. Дороти продолжала не поднимая головы горбиться над стрекочущей машинкой.

Как существо неугомонного духа и неумной активности, Виктор обретал счастье только в противоборстве. Под первым впечатлением от его бледного, сурово-вдохновенного (в сущности, лишь мальчишески задиристого) лица люди обычно начинали сокрушаться о даровании, гибнущем в ерунде церковного учительства. Правда, однако, состояла в том, что никаких особо ценных талантов Виктор не имел, кроме небольших музыкальных данных и очевидного умения работать с детьми. Потерпев неудачу во многих начинаниях, учителем он стал великолепным, воспитанники превосходно откликались на его деспотичный – наиболее уместный со школярами – стиль. И разумеется, подобно большинству, Виктор свой настоящий талант не ставил ни во что. Единственно достойной он почитал стезю священной богословской войны за истину, выше всего ценя «духовность». Будь его бойкие мозги чуть лучше приспособлены для усвоения греческой и древнееврейской грамматики, он бы, бес-

спорно, стал священником, о чем всегда мечтал. Но ввиду абсолютной недостижимости такого поприща его прибило к должности состоящего в приходском штате учителя и органиста – все-таки, как говорится, «при храме». Естественно, Виктор сражался на самом правом фланге боевитых англо-католиков. Клерикал не по чину, но по сердцу, знаток истории религиозных распрей, эксперт по части ритуального декора, он неустанно готов был сокрушать протестантов, модернистов, ученых, большевиков и атеистов.

– Я тут подумала, – сказала Дороти, остановив машинку и срезав нитку, – шлемы неплохо вышли бы из старых фетровых котелков, если бы удалось набрать их в нужном количестве. Поля отрезать, нижнюю часть сделать из бумаги и все покрасить серебрянкой.

– Господи, неужели этой чушью голову забивать? – с досадой отмахнулся Виктор, утративший интерес к постановке в ту же секунду, как кончилась репетиция.

– Но что больше всего меня тревожит – ботфорты! – вздохнула Дороти, осматривая швы разложенного на коленях камзола.

– Да дьявол с ними, с ботфортами! К черту всю эту пьесу. Послушай, – начал Виктор, развертывая нотный листок, – я тебя очень прошу поговорить с твоим отцом. Спроси, пожалуйста, нельзя ли нам на следующий месяц устроить хоровое шествие?

– Опять? По случаю чего?

– Ну, я не знаю. Повод всегда найдется. Вот восьмого будет Рождение Пречистой Девы – по-моему, повод замечательный. Мы бы шикарно все обставили. Я раздобыл отличный чувствительный псалом, как раз чтобы хором вопить, а из Святого Уэдекинда можно бы на день взять роскошную хоругвь с Девой Марией на синем фоне. Одно слово согласия – я сразу начинаю спевку.

– Ты же прекрасно знаешь, он откажет, – спокойно возразила Дороти, примеривая к камзолу большие пуговицы. – Отец не слишком одобряет шествия. Лучше не спрашивать его и не сердить.

– Вот еще, черт возьми! – непримиримо вскричал Виктор. – Да мы уже который месяц без шествий! Ни у кого на службах нет такой мертвечины, как у нас. Скучища смертная, будто в молельне у баптистов!

Ровная строгость проводимых Ректором обрядов бесила Виктора. Идеалом ему виделось то, что он называл «подлинно католическим богослужением», имея в виду густые клубы ладана, щедрую позолоту на изображениях святых и облачения еще пышней, чем в римских храмах. Как органист он постоянно настаивал на умножении всякого рода торжественных процессий с обильной сладкозвучной музыкой, тонкой вокальной разработкой и пр. – короче, они с Ректором тянули в разные стороны. И Дороти здесь примыкала к отцовским взглядам. Привитому с младенчества вкусу к прохлад-

ной *via media*¹³ англиканства да и самой ее натуре претили действия чересчур «внешние».

– Чертовски было бы эффектно, – мечтал Виктор, – чертовски здорово! Пройтись по боковому нефу, выйти из западных дверей, вернуться через южные, сзади хор со свечами, впереди скауты с хоругвью. Эх, шик!

Слабым, но мелодичным тенорком он пропел несколько начальных тактов: «Славься, День Торжества, день истинно благословенный, святой вовеки...» Затем добавил:

– А парочка мальчишек махала бы чеканными кадильницами, куря ладан. Ну, представляешь?

– Да. Только отец не переносит такие выкрутасы. Особенно в связи с Девой Марией. «Римская лихорадка», говорит он, доводит до того, что люди крестятся и встают на колени в моменты совершенно неположенные, и вообще Бог знает до чего. Ты помнишь ведь, что было в прошлый рождественский пост?

¹³ Срединный, сторонящийся крайностей путь (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.